

СМЕНА

№ 11

ИЮЛЬ
1933

ИЗДАВО ЦК ВРП/У. ПРАВДА

К МОЛОТИЛКАМ — ПРОВЕРЕННЫХ ЛЮДЕЙ!

СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ДАВАЙТЕ СТОЕМ!

— Давайте, девчата, споем!
Мы в ятском 21-м объединении Горлово. Де-
вчата любят петь и поют хорошо, с чувством. В ко-
мпате 16 чел., и они образуют неплохую спешивую
хор.

Что они поют? Знают много старинных, деревен-
ских и добасских, поют некоторые революционные
и красноармейские песни. Но лучше всего у них
выходят «Песня конюгона». Это любимая песня в
Добассе. В Горлово например ее поют всюду:
в объединении, в шахте, на улице. Почти в каждом
районе Добассы свой вариант этой песни. Но со-
держания ее одно и то же.

Вот она:

ПЕСНЯ КОНЮГОНА

Встаю я рано на рассвете,
Бегу к лошаде конюгой,
Цеплю партию вагонов
И мчусь я прямо до забой.

— Потужи ты, браток, потужи,
Ведь здесь я так большой человек!
Ты молотоку конюгону
Кричит товарищ тормозной.

Вагон с толчка тут забурчал,
Вдвину паром привалю,
Я мимо партия промчался
Сняв друга своего.

Зачем баянота торчался,
Зачем вагоны быстро гнал?
Или ты штейгера боялся
Или в контору злодоялся?

Гуляю трюмоию прогуляю,
Шахтер с замочниками шудю,
А молотоку конюгона
С развешит головом несую.

Прощай, предально-воренная,
Прощай ты, запад и восток,
Прощай, Маруся амловая,
И ты, товарищ тормозной.

Песня такая жалостливая, сам слышит, личи-
ская. Поэтому, видимо, она является любимой пе-
сней шахтеров до сих пор.

А по существу это — вредная песня, воспе-
вающая, возглавляющая в орел старого конюгона до-
революционной шахты. Из песни на нас галдит
этот конюгон, воспитанный капиталистический ша-
хтер. Вот он с замочниками чирком на лапке и
той. Вот он с замочниками жутком мичиком по шпеху со
своей партией вагоном, натояла на всех уаде. За-
будает тормозного, искалечит пару лошадей, забу-
дет партию вагоном — вот в чем выражается
уважд молодежи такого конюгона.

Это угодливая тин конюгона на шахте. Правда,
еще кое-где встречается тин старого забурянного
конюгона. Но рядом с ним уже вырос новый тип
конюгона — хозяина своей шахты, своего шпеха,
своей лошади, конюгона кувальтового, амающего
шахту, любящего и уважающего свой труд.

Уже 15 лет на шахте нет штейгера, а песня ко-
нюгона по-старому поет о производе штейгера.

Почему же до сих пор нет песни о новом коню-
гоне? И не только о конюгоне. Мы живем в велико-
чайшую историческую эпоху, когда меняется не
только лицо Добассы, но когда коренным образом
переделывается и сам шахтер, его отношение к сво-
ему труду.

Мы прослушайте, какие песни, туслаки и мравные,
поет Добассе о труде шахтеров:

Вот прямо время в клеть садиться.

В центре груди ода, тоска.

Сам не знаю, что случится.

Живем ли вылезут меня.

Эту песню пели мобилизованные комсомольцы из
шахты № 5 (Горлово). Откуда эти мравные сло-
ва? Откуда грусть и тоска? Откуда такое бес-
проектное отношение к труду шахтера? Разве оно
не наивно утаскиа старой капиталистической
шахты?

Поговорите с ударниками-забойщиками Горло-
вской шахты № 1, а вы услышите совершенно по-
ные мотивы, узнаете о совершенно новых чув-
ствах, которыми овладева шахтеры при слухе в
шахту. Это — чувство гордости за свой участок, за
свою шахту, здоровое чув-
ство соревнования, чув-
ство уверенности в своей
силе, любви к своей ра-
боте и своей шахте.

Вот эти чувства эти
людей надо воспеть в
песнях. Разве не просит-
ся в песню. Никита и
Изюба — лучший за-
бойщик, герой социали-
стического Добассе? А
ведь до сих пор такой
песни нет.

И нет ни одной песни,
воспевающей такое, социали-
стическое отношение к
труду, любви к своей
работе, своей профессий,
Добассе нужна новая
производительная пе-
сня.

Нужна песня, воспеваю-
щая парос овладевая
техники, любовное от-
ношение к машине, к ме-
ханизму. Нужна песня о
арбушной машине и ее
хозяине — механизме, об
электровозе, о конюгоне.

А сколько еще не-
затронутых вол-
нующих тем для бытовой
песни в Добассе! До сих
пор Добассе поет старые,
ячмоного подпольные сло-
вечные, страдания и бы-
товые частушки, обра-
жающие старей доловский
бит и отрицающие отно-
шения между девушкой и
парнем. Основной мотив
«девичьих страданий» —
преимущественно презре-
ние к шахтеру. Эти на-
строения шал из дерев-
ни, где работа шахтера
считалась проклятой. Де-
ревенские девушки до ре-

волюция уходила на рудник на арбусную ра-
боту, чтобы избежать доводов на правдою и вер-
нуться к де деревню с семейно женщиной. Попадали в стар-
ую деревне всецели поддарилаеся прерильно-
е отношение к шахтеру. И сама жизнь шахтера
до революции — беспроектная, тяжелая — не могла
привлекать девчат.

И сейчас еще, когда коренным образом измени-
лась жизнь шахтера, когда он из раба превратился
в хозяина, до сих пор существуют эти частушки в Доб-
бассе. Девчата из 21-го объединения поют:

С битою звездачка упала,
Чертуку похотела похотела.

Всегда замуж за шахтера,
Была малоохватная.

Горювачки ребит

По походе можно узнать —

Помни ламинки крутые,

Штаны равные, худые.

А ребята в своих «страданиях» отмечают:

В Горлово есть кукушка.

Ходит завод наперел.

В Горлово девок много,

Никто замуж не берет.

Музыка «страдания» подчеркивает зависимость
жизни от условий существования и той отношение,
желание погулять и потоск горды, т. е. все то,
чем она так полна бит дореволюционной Доб-
бассы и что в значительной степени совершенно
изменилось в настоящие время. Еще очень много
бывших и в бытовых «страданиях» старых, при-
несенного из деревни, из арсенала вековых доло-
вских обычаев и законов, давно полюбленных
революцией.

Конечно и в быту в Добассе еще много старого.
Но новое, нарождающееся растет, борется и побе-
ждает старое. В Добассе вырабатывается новые ба-
товые отношения, особенно это видно во взаимно-
отношениях между девушками и парнями. Любовь
дополняется дружной, товарищеским отношением к
женщине. Все это рождается при совместной работе
на производительности, в коллективной общественной
работе, в клубе и в объединении.

И девчата в Добассе уже не те. Вместо тоской,
забитой деревенской девушкой, которая деловой
забитой и провалами штейгера. Мы сейчас на шахте
видим самостоятельную, активную работницу, кото-
рая учится, имеет определенную перспективу в жи-
зни, которая выросла с шахтой и любит ее.
А «страдания» все продолжают воспеывать Мару-
ся, не замечая, что Маруся уже не та.

Почему бы не воспеть в песне комсомолку Нину
Фатову, которая три года проработала ствольником
на шахте № 1. Это девушка, которая уже сумела
страхуется с себя тяжелый груз старых пережитков.
девушка, которая твердо и уверенно смотрит в свое
будущее, которая учится и растет, которая любит
и радуется так, как может любить и радоваться
здоровая веселая двадцатилетняя девушка в нашей
стране. Про нее никаких «страданий» не слышно.
Про нее нужно создать веселую, жизнерадостную
песню о труде, о любви, о жизни.

Нужна, социалистическому Добассе нужна
и новая, бодрая, жизнерадостная пе-
сня о труде, о любви, о жизни, о жизни, о жизни,
воспевающая нового человека, освобожденного от
от груза старых привычек и обычаев,
человека, который несет в себе зародки привлекать
работников социалистического общества. Новый, со-
циалистический Добассе должен быть новое, звуч-
ные, полные жизни песни о новом, социалистичес-
ком труде, о новых отношениях между людьми.

Здесь мы вправе предвидеть иск все новым по-
этам и композиторам. Они в первую очередь дол-
жны дать Добассе новую песню о новых машинах
и новых людях.

В свое время поэты отговаривали на призыв «Ком-
сомольская правда» о создании новой революци-
онной красноармейской песни.

Было создано немало прекрасных революционных
песни о Красной армии и ее героях.

Сейчас также же песни нужно создать о Доб-
бассе.

Молодежь очень часто сочиняет частушки и
«страдания». Комсомольские ячейки и комитеты
должны взять здесь инициативу в свои руки,
собирать ребит, интересующих поэтически и музы-
кально, преимущественно, любовь и встречаться с
квалифицированными поэтами и композиторами.
Создание богатой модельной рабочей песни — это
важное фронт культурной комсомольской работы.

— Битовая страдания

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4.
Тел. 2-89-28

ЯК. ИЛЬИН

Рис. В. Бринина

С Ч А С Т Ь Е

Из романа „Большой конвейер“

Ветерок пережимал стужащиеся потоки лучей, речная свежесть продувала тело; подымалась утроба, еще не все вымерло от палящих июльских лучей, и еще не все проснулось, чтобы задрожать падубой.

Теплоход идил рекой, как фрезерная пила сквозь брусныя вала позвони отваливавшаяся ломтами, брызги каскадно омыливали ил.

Река спокойна и тиха; она, как женщина в 30 лет, в широкую, спокойно сплывающем, нигде не теснящем светлом плыве.

У нее теплые, с сероватым отливом, русые волосы и такие же, если не лучше, глаза; руки у нее принадлежат керу—она оправляет прищучку,—у нее конечно волосы не обстрижены, и все ее dominance, упругость, цветение передаются в беспринципной, хорошей, чуть даже расплачавшей улыбке. Она словно говорит дню, реке, солнцу: как хорошо, что жизнь есть жизнь, а не жалкое прозябанье и бессмыслица, отрешившись от радости земной и телесной.

Такая женщина стояла возле шалюнок, и Гагалин хотел ее подойти к ней, сказать: знаешь, у вас хорошее слово, честное слово. Ему больше ничего не хотелось, только подойти и сказать. Это казалось, словно почувствовал валеж, повернулся и улыбнулся ему так же, как солнцу, реке, дню, плотам, показавшись из-за заворога.

— Дня,—показывал из кюветы женщину.

— Сейчас,—отвечала она и, еще раз опираясь волосом, ушла в калитку. Платье обладало ее крепкое, словно литое тело.

— Дня,—повторил он,—хорошее имя.

Женщина ушла, осталась река и книга. Река вскоре искупалась: все же она в хорошисти своей односторонности. Но в это время вылетел ветерок: он Алесксо тербела волосам, заполозал за ворот и шарил по груди; глаза салмапаса сами собой; то был редкие минуты физического и духовного доверия, беспринципности, радостного сознания жизни. Этого под старость не бывает: здесь тело чувствует каждой клеточкой тьму, и нет еще тошного хлапанья в груди.

Вспереди была молодость и широкая, как река, жизнь. По ней шла его страна, его поколение...

Однажды брызги, и он отрывался от книги, скользя взглядом по сторонам, задумливаясь. Плоты шли мимо. На одном из них у избушки сидела женщина и чинила стель. Он поднимал голову и следил, как черпает вода полуоткрытая женщина, как несет по брусам ведро воды,—падала белая ее рубашка.

Вот оно, гамсунское счастье, памятуящее по водам Волги: какой-нибудь Эдвард, нашедший наконец свою Ловиюс Magrette Дюнан!

В том ли счастье! Если пошлют на аэроплан, не придется ли расквешать эти Эдвардот так, чтобы их сантиментальная бредоватость испарилась, как утренняя дымка над рекой?

Он смотрел на плот, на полуоткрытую женщину с ведром и на юношу у порога избытки с полным сознанием того, что ему открыто истинное значение счастья...

Разве это счастье—заолориванности, в тинине, в ливаных зарослею пруда, в гулом самолюбовстве белых олов, распрятых в сад?

Вспыла опять женщина, которую звали Днейю. Ее полное имя было Елена Владимировна Староборовская,—казалось, это имя издевалось, как холодной, лобной ветер, как старинные доские шелька.

Она села рядом. Теперь он ее разглядел внимательно. Занятия ее волос нежно курчавились. Нос спокойный и просто продавался линии лба. Подбородок закрутился без резности. Платье стужалось. Вырост платья вбегала и завиткам. Узоры платья лежали на плечах. Щуря глаза, она улыбалась. Он насладился, находил в кюветом се движение очарования. Она заучивала искрив, ровный, аудийный ток, напоминающий содержание сердца при инприанх и влзастах на качель, без крови и меридиан мыслию во время приступов творческого напряжения. Чуть слышно гудела у него кровь в теле, не бурно, не порывисто—лет.

Гагалин разматался, не заметив полонешен и нему Салматина, Поляниса и Казенова. Вскоре пришел и Дмитриевский... Он встал в стороне, как бы чувствуя на себе всю неприязнь со стороны Гагалина и всех остальных.

Разговор завязался вокруг позитного Гагалином вопроса о счастье. Вышла в разговор и Дмитриевский. Он довывался, что рост техники не есть основа современного счастья человека. Он издевался над отсталостью нашей страны. Он восталла Эренбурга.

— Эти чуданы,—перелбил его Полянис,—вопрошают, что лучшее: ход часов или бегние сердца, сапаса Вертера или белый уголь, и отвечают самолюбиво: есть, видимо, вещь, никак не связанная ни с часовыми техникой, ни с овалонной идеей. И эти вещи—природа человека, его внутренний строй, его мысли, чувства, переживания. Все остальное от дурного. И да стигнут машин. да

распадется в прах Гранд-опера; навад в бинию сердца, к челоду, затренившись среди зарослей диного леса... Глупые люди,—они хотят остановить овалонную идею и завоевания техники! Кудаю счастье, инвада пропозеде...

— Слышите, я вам прочту прекрасный отрывок из повести Дмитриева,—сказал Дмитриевский.— Это имеет непосредственное отношение к нашему спору.

И он начал читать, ахлебывался от волнения:

«Что есть счастье и увеличил ли его машинизм? Результате всей этой механической техники, всех этих пытливых поисков, всей этой возни с машинами, всего этого облавы вопиющих, ревулчких, скачущих машин? Или разве колоссальное развитие путейственный не приводит и обезличивает всех, всех городов, и их инвад, аэровок, к тому, что тоскующей человек вынужден к себе свою тоску со скоростью 80 километров в час—и только? Счастье и несчастье гдете вид, давание, губление. Они измеряются не часам автомобиля. Представляет себе человека: всю жизнь провела он в сутолое, строма донца, говорила река, сидла в автомобиле. И вот наступает однажды, ночь, он остается со всей исцеленной один на один. И, лонаса слыть, он вспоминает утробу по реке, плад, лучшая половина раба, он ехал на лоде, морганя свисающими руками он поднимал весла. В воду вошла девушка. Она губилась от холода, на сплну и ней ушла Авст, она завала руками, закрутила и шумно поплавала. Увидел это, она застеснялась, замолчала, заблала на кусты и там спряталась. А он пошлаа дальше. Никогда он не думал о ней, не знал даже, что память сохранила ему это утро. И вот человек уже сам не свой, и он едет на ту реку, в тот город, только в то утро не может он познать—ни один возвал не выдал ему плакарти...»

«Но нет уже ни города, ни реки—стоит хотя бы тот же ваш завод, да, может, еще двоякое он и сам его построил. И вот тогда он понимает, что это было счастьем, эта девушка, та ровная вода, то странное и смутное и смешинное чувство, которое в то утро вдалло ему. А то, что теперь, — это старость. Тому минуло уже тридцать лет, ему придется идти, он стар, жизнь кончилась, и почему он в то утро не спросил о достоянии, не забла обо всем, не остался навсегда в этом городе, с всей девушкой...»

Дмитриевский кончил.

Воспоминания о Шуре

1. Вольчь сотня

Первым организатором кубанской белогвардейщины было временное правительство. Даже такие гражданские комитеты, раздававшие власть со станичных атаманов, показались военным самым рисикованной формой самоуправления, и т. В. Шурин комиссар временного правительства, «разъяснял», что они не являются органами власти. Подозревая Керенского обидного захват власти на Кубани воеводской властью ранее, штабом контрреволюции.

Генерал Октябрь, Комиссар Бродаты, ввиду необходимости письменной формы о демократии и прогрессе, принял командование над первой карательной экспедицией в советские станицы. Подготавливая около самой гусарской реакции, он вернул дело всей российской буржуазии.

Генерал Шкура был одним из продолжателей этого общего кровавого дела.

На след генерала Шкура я набрал в краснодарском архиве. Белогвардейский литератор Ник. Гузендел описал его жизнь и деятельность в самых высокопарных выражениях. Преподобный умилени, ведет он о необыкновенно разносторонности этого замечательного человека, который будто бы «на четвертом году жизни свободной сады верхом, вооруженный игренушкой и саблей, играл и резвился, как молодой аленок». Шкура и армия Шкура начал приобретать в мирную войну. В 1915 г. послушавшись рассказов о былых казаках, он задумал организовать партизанский отряд против немцев и при поддержке генерала Ирвина пошел до самого порога. Государь одобрил его авантю и даже будто бы испальнул до его живота (ны была изломана его лопатка, он ушел до плеча). Однако Шкура не повелевал. Война закончилась победой не германского и не русского оружия, но совещением ивого.

Произошедши на Кубани, Шкура вступил в бой за отцовский особняк, за жирный кусок кубанских черномозгов, за черномозгов и особняк своих друзей, за господство друзей во всем мире, а больше всего за свое собственное господство и за самого себя!

Он объявил изменением родины всякого, кто шел против него, мам, вернее, против кого шел он... (В кубанских же станицах половина населения — иностранцы — не имея земли даже на владицких и платная полюбовную плату за ту удачные участки, на которых жалкими мушкетерами алились их лацкаты. Алод эти алиены били права купить даже удачную землю, да и не на что было им покупать ее. Алод эти меканам о куске хлеба и риндали взять этот кусок и взять свой кусок жизни).

Что касается Ирины Недор, которому вараду с генералом повседневно это повествование, то измененный путь этого неудачливого удачливого совсем иной.

Весной 1918 г. заместителем временного правительства привлекли кавказца звать — свою опору — не представлять собою советам в станицах, но примениться к новой обстановке. Станичный писарь Иван Недор оказался секретарем совдепа. Пролезав в совет и прочие чины. Комиссар станичных станиц Ибрагимов, рекомендованный большинством Недором, ввиду его связи с станичными, плохо знал Кубань и был слишком доверчив.

Кавказ-фронтине Симоненко, помощник комиссара не был производителем его обидности. Когда генерал Шкура, в станице Суворовской, объявил генералу Шкуре, все с виду было спокойно. Одно тревожило комиссара. На земас, раздвоенной по дулам, затвердела инициативе зерна, но иницие не было. Когда комиссар спрашивал о станичных, что тут такое происходит, ему уклончиво бурчали: «Спасем».

Однажды его поминал палецм кузнец. Кузнец стаял односторонней и говорил медленно, с растерзанной.

— Хоть ты и комиссар, — сказала кузнец, — но дурак. Порезуй же, понал! Тут тебе и три аршина, земас.

Иницие решила принять меру. Он арестовал атамана и выдал ордеру членам совета и белоте.

Потом он оставил вопрос об эвакуации совета, кассы и арестованных. Но совет не одобрил этого.

Мы должны держаться до последнего, — говорил советский Ибрагимов, — народ власти поверил, чтобы мы, как зайцы, без разрешения вытеснили власть...

— Верно! — кричал Недор. — Не для того!

Кому было знать, что за паузой у него ипривратном вопросе об эвакуации?

Ночью комиссара разбудил выстрел. Схватив за ремешок винтовку, он распахнул дверь и был слышен десятком рук. Его поволокали в хату Симоненко и там заперли. Тут же был Симоненко. Комиссар узнал, что стаяла (бела тропата) Симоненко, когда его застали в постели.

По околу шаркнула палема. Симоненко высканд палемом руку (отел спастись ребитине, которых был мило), но его оступавшим приладом, а ребитине нивмунуру наза и горючий шум.

С этого момента следы генерала Шкура и писаря Недора не рассматривались, ибо, как сказал генерал, «родина имеет ценность своих верных синов».

К южной Прикубане, раздвоенной внутренней контрреволюцией, с Ростова и с Керчи подступали немецкие агитации. На Пятигорск шла грузинская мещанщина, Закавказье бежало в руках союзных войск. Теснилась с юга и с севера, с запада и с востока, полуазиатская Азия армия потеряла ударом Ставровопо, Тимашевска, Суворовска, под ударом была Владикавказ.

Возвращаясь в станицы, по железной дороге на Владикавказ наступала вошь. Поток брочесов, тачанок и арб, с гротеском катившийся по Боево-грузинской дороге, был подобен комамру. Томиные тифозной жаждой, красноармейцы ели снег, глотали инокорый, снег юга. Земля при дорогах оголилась из-за отсутствия сажени.

Тай снакали 40 000 бойцов XI армии.

В середине января в Владикавказе подступил генерал Шкура, но отрядил иницие, защищающей город от бегства его. Тогда Шкура напал на их алым. Зарев пожариц подымалась за синимас шумевшей. Иницие покинул окопы и ушел в горы, чтобы спастись своей род.

В день вступления Шкура в город отбегавшая городской думой был дан банкет. В разгар попойки, похавшая Вольчь сотней, генерал пожелал представить своих героев обществу понов, свинотрогцев и алабонков.

Первым представил Недор. Он остопаена у порога, приставив к фуражке растопырившие пальцы. Изогнувшись наза, он вылил из рук генерала стакан водки, проломая отдавать честь.

Отметив у каждой столочку водку, ваши величество! — Опеномасным тумом, водкой и поминанием в чин Недора перешутил раиги. — Ваше величество, — асторженно прохрипел он, шевеля растопырившими потными пальцами, — нет хуже страдания, чем это!

Генерал Шкура вступил в город 28 января. 29-го был ошечен алаветами. Больных красноармейцев свезли в разрушенные дома, в пустые магазины и иницие подвалам. Были выключены водопроводы всех этих домов и строились запрещение приносить в них воду.

Обширные поляны, в поносихих к телу лохмотьях, большие гразды из подвалов по астигнине и иницие ступени. Выбравшись, они расхулившим белым языкам алазали мокрые каменные плиты.

1 февраля на деревьях городского парка появились астигны. Буны которых были крупны и тяглас, как артечиче. Опеномасно о гребли 18 000 больных красноармейцев, астигны прозвали разубавьтас, где же дураки трудового народа.

Через год с месяцами «горой Шкура», развалившийся Буленым под Касторной, погумил в битый Буленым на пароме. И в сопровождении подложной хвосты Вольчь сотней отбыл в иммиграцию.

Поручик Недора не попла на пароме. Вышел за город, он достал из лохмотьях разношерстной шубы паром, ала тачанке на пароме. И в сопровождении подложной хвосты Вольчь сотней отбыл на иммиграцию.

Вокруг него, перепалтас, текли встречные потоки самых разнообразных иницие иммиграции с верховьями и поносидями. Из Новороссийска сбросил белогвардейщина в море, улодям в неопытные просторы страны красноармейцы. Многие шли пешком, вода кончил на порогу. Страны, разоренные войной, ждала их на свои поля, в свои шхаты, на свои моря, богатые реки. Иницие иммиграции шли в Новороссийск, в родные места другие. Телати громадил их утам склябом. Среди ацидированных чуждом и обуглившимся кузнецом понал ссылая ребитине. Это поворававшая беженцы. Иницие подбирали с дороги потерянные подковы, ремешки и веревочки — все это должно было пригодиться в хозяйстве. Недора видел ясно: станицы собираются жить.

Недора шел, стараясь держаться в самой толкучке. В тот час он заботился об одном: остаться незамеченным.

2. Хлоб

Стремительно лето 1932 г. не задерживалось у порога. В две Кубань мирно бежала в своих берегах, а на иницие зеркала выехали кузнецки. На земас колокола «Гура», кокам продававшая панной, пошла в рост буржину, высасывая своими мощными коревыми явля в губыним подковы и изгаваят всколом. А на иницие только один буржину и колокол. Пролегла подымалась медленно. Иницие Ревеля, бригадир самой большой бригады, едва ли не ежедневно садил в окружающие села на баары. За ним тангулял и остальным. Кому

Шкура (в центре) среди своих друзей и соратников — гусских и международных авантюристов

необходимо было свести на рынок десятки отродов со своего огорода, что синила реализовать продукцию четырех курочек за три дня...

Другие коламас в своих дворах или удали рыбу. Любительский ухи из свежей рыбешки было тем больше, чем уроний бумудла в хуторам саух, что хлеб в колохозах забурюта пачиста.

В один жаркий день, когда половина колохозов похараивала по амбарам да по сеновалам, бежал по заросшей дорожке правительский жеребец, вырвавшийся в кособокую пастуху. Северная мелекия, палецма подкатала к следователю поала.

Слегка принада на астигну ногу, к полодочникам отпривалас сам т. Неачичено, председателю колохоза.

— Здравствуйте, товарищи, иницие иммиграции, — поалуутигало савала Неачичено, — его разноецветие глаза под соросшимися бровями прожегал как-то по-надо головами полодочников (глаза его блуждали всегда, не видя, на чем остановиться, а от чего убегать).

— И на том спасибо, — сказал, разгвбавас, Молобот, мужик немалодушый, заросший еще от полборода до макушки одинаковым щетиным вобом и пономас. Работуничуши он вилеру хуторам лоб и пономас у отброса в сторону ацидированной пачуки дилея. Иницие иммиграции, окружившие Молобота, смочали.

— Соборнано проговаривать булешу, проповедь читать? — спросил старик Кляшко.

Работа тотчас прекратилась. Иницие иммиграции подступившие кроби. Молобот добрался пономас до межи и там, вылая призывам, стал пристегивать к куластике конусообразную держалку.

— Но будто задерживать нашего иницие иммиграции международных соборничан, — сказал т. Неачичено, след в халаде под телом. — Конечно и безусловно, актам имперриалнаса готом развалит все свои иницие иммиграции светом в любую минуту, но иницие иммиграции

Молойбо мужик голодный...

доблестная Красная армия, обратно же, даст им отпор».

— Давайте на сегодняшний день косенка, как говорится, ближе к делу, внутреннего положения нашего колхоза. Что мы с вами видим, товарищи? Мы с вами видим целый ряд позорных явлений, как-то: наши сорняки, адырничество и, обратно же, прогнаны, которые не должны быть места на колхозной земле. Теперь вы спросите, а кто же в них виноват? Отвечая: давайте вместе разберемся, выполняя лозунг партии «внимо к производству», а также «меньше слов—больше дела». Вопросы будут, товарищи?

— Да, у Кляшко есть вопросы. Старик с помощью рук подымается на колени. Не может ли товарищ председатель сказать, какой инцидент ожидается дождя и помногу ли придется хлеба? — Отвечая на этот вопрос я, товарищи, непогодливый,—говорит Нечайченко,—зота конечно и безусловно дожди должны быть выше прошлых, потому что колхозом как социалистический сектор идут вперед без страха и сомнений. Может быть частая часть разяснит более подробно?

Счетовод Недора начинает издалека. Он вполне согласен с председателем: колхозы идут вперед. Но что касается хлеба, то это большой вопрос, так что это во всяком случае не советует очку, уж наверняка раскусить новости, есть пока дают, да больше думать о государстве. Садим все до последнего зерна государству.

Только это и сказал. — А невзвара вышла на прополку только старик Кляшко и две женщины. Такую было действие провозающего лозунга: «Все до последнего зерна—государству».

Колхоз шел под гору. Казалось, сама земля его преследовала. Впоследствии многие колхозники поняли, что земля тут была не причем, но сначала ведь они ничего не знали. Например до професса Ревеля никто не знал про знаменитую встречу бригадiera Ревеля со счетоводом Недорой.

Дело было весной. Оба шли пашней. Недора молчал. — Они вышли на след собаки, бригадир расшаривал свой земляк, и земля не была зря. — Может быть, ты довнесешь?—спросил бригадир прищипиво.

Недора вырванная сапогом взрытую пашню. Его желтое лицо было мертвено спокойно... Так между ними был заключен союз.

Они шли пашней...

Никто в колхозе не знал также и про вторую их встречу, происшедшую ранней осенью.

Недора брал без дороги, и придорожная трава—муравы—хватала его за ноги. Он возвращался на конторы.

Терпавшая зарницами, тала вода. Был август. Остановленный в воротах своей хаты, Недора весп поддался навалу.

— Здрав, жерми!—равняно сказал Ревель.—Господи поручи, что и какие вышло: уттер вашей роти доть мое обиде!—Он отстрановал бы скороговоркой, если бы лучше поинволялся язы.

Недора поспешиа увести его в дом.

— Води давай, поручи,—сказал Ревель.—Давай водки, не бойся, все равно торюма тебя не митут.

Они выпили. Недора садилась еще мрачнее. А Ревель говорил, не останавливаясь ни на минуту. Он говорил о том, что хорошо бы сплавить всю Россию. Обломить соломою со всех четырех сторон и поджечь.

Недора не пытался унять его. Он только поддеживала время от времени. «Да, правильно»—говорила он. А под конец добавила: «Россию нужен голодом! Иначе русака толастоногого индем не пройдем».

Наклоняясь под ударами ветра, спешившие колосья ретерали золотого зерен. Молодбы поднигались вправо.

На вечерном зерио ссыпалось в фургон. Его увидели, не взвешивая.

В ноябре в колхоз им. Карла Маркса приехала из города бригада. Бригада вошла в контору. В комнате с яитарными полами и полоконниками было просторно и ярко. На стенах, белых, как снег в марте, в строгом порядке расклеены портреты вождей и плакаты Никитина.

Молойбо грюнулся на пол...

— Ну что?—осторожно спросила городской бригады Спелак,—работаете?

Спелак был такой верзала, что никогда не находила в кооперации брех по своему росту. Говорила он редко, как в барабан била, и говорила по-чаулу.

— Кто не работает—тот не есть,—отвятила председатель Нечайченко. В самой безузорности этого ответа было нечто уличивое.

Семь—спросила бригадир питанно, ддела для ясности своею движение пашьями.

— Нельзя не сеять,—отвятиа председатель.—Что посеешь, то пожнешь.

В контору собрался народ. Партизан Молойбо тронул Спелака за рукав, что-то начал шептать. Его губы прыгали, краска заливала лицо, он стлапался слала.

— Вы не очиве-то с ним,—сказла Нечайченко, сканывая гавя на Молойбо.—Он прищипчивый, он и обругать кого ни попаало может.

— Увид, получуй гад,—закричала Молойбо, и у него задергалось левое плечо.—Увид, ни вынай хвостом. Ни прищипчивый, не твою это петьми! Увид, говорю, дай рассказать человеку всю правду.

Но Спелак на этот раз не услышла рассказа Молойбо. Молойбо грюнулся на пол и в сватклат судорог дробно застучал по доскам гололой и претезом.

Все хорошо в колхозе. Председатель за интроскет колхозов—горой. Счетовод Ревель болает дупио да квалого поросенка. Счетовод Недора встех на работе.

Но хлеба в колхозе нет.

Нечайченко вазеривала пасями: «Дескати, а не чародей, что не могу, то не могу».

Разговор о хлебе был прерван на правление.

Хлеба в амбарах нет, разве что немного на спинофере, таков был ответ правления.

Но Игнат Ревель отрезал сразу: он не сдает ни зерна. А если береге хлеб, забирать и чортовой матеря и свиной, чтобы глаза не выдала, как животные будат мучиться. Да зямот ан товарищи из города, какой хлеб в амбарах его бригады. Он снет с полосо свинофермы и по всем алаком садче не подолжит.

Но Спелак был не из пуганого десятка. В эту же ночь комсомольские «ластие каваларисты» нашли в амбарах свинофермы полторы тысячи пудов хлеба, а ведь села свиноферма в гаг свелкам, да и та погибла.

А на следующий день вошла в контору Молойбо, опираясь, как на лапку, на кризную офицерскую

Свиноферма приехала к Спелаву...

саболо с георгиевским темляком, и сказала Нечайченко:

— Додеваловсь! Хорошенькие гостиницы прытали твою бухгалтерию! Но Молойбо опоздал: Недора уже не было в станице.

Однако сначала надо рассказать про события этого вечера. Весь день зерио отругалось—на вавтор, а вечером на квартиру Спелака приехала пачучая свиноферма. Она рассказвала, что с утра Ревель не вела давать синним корма. «Все равно нам их не проворити,—сказла Ревель,—лучше уж сражу один ковер». Она хотела было заспорить, но не осмелелась: уж очиво она была ступа. Ну что же,—сказла она,—вам виднее, раз вы к этому делу приставлены.

Но она не выдержала и вечером стала разносить синним жом, отжимки свелкам с сахарного заводу. Тут пришла Ревель. Он вырвала у нее ведро, выжала жом на землю. При этом он ругался последними словами.

На свиноферму Спелак опоздал. Он увидел оранжевую шапю пашени. Свезю горящие плакение стены прорвалось несколько животок. Штаны были на земле. Принялся ввязься за вилы, чтобы обложить их зерном. Недора и Ревель уже не было в станице.

Да, в бурьяне ддела дот себя зявет. По почвам переключил, и к утру на месте их осталось только дделные друкние—стелашки между кочек. Такой

В припаде ярости он рвал пашьями зекло...

была ночь после января, когда Недора покинула станицу. Он уловил опорожнен.

Электрические огни желаснодерожной станицы горели совсем бланко. Почув приближение человека, он шархнулся в бурьян, прыгнув. Кто-то, прохлдя, шел лесно.

Недора взола бы сланным движимом метнуться в вавду и перергнать горло попово, всем его друзьям, всей стране. Но в нем было много неприятели и мало силы. Он бросился на землю и не придала роти дварвала се пашьями. Потом он встал. Спелак. Над горивотом всплала пытка, как бласперсыванные облака.

И он ушла испекать место, где бы мог, оставаясь незамеченным, снова ступить в войну со страной.

ПРОЗЫ „СМЕНА“

В. Замiatин

А. Нислин

Д. Обксендер

Як. Белгискин

М. Шейеровиц

А. Шпирт

Позы литературной группы «Смена» — формируются поэта. Самое трудное на этом пути — найти своего поэта — это умение сосредоточиться на главном, найти своего поэта, что при сочетании идейной установки поэта с особенностями его дарования складывается на быстром творческом росте.

У нас принято делиться на литературных критиков. Часто жалуются на без основания. Литературный молодой например более чем кто-либо вправе жаловаться на критику, и не только потому, что критик говорит всемерные вещи или предвзятую к молодому неправильные требования. Нет, критика совершенно права, когда говорит молодому поэту о необходимости повысить их идейный уровень. Критика права, когда делает упор на воспитание в молодых поэтах больше известной партийности.

И тем не менее у литературного молодика, повторю, есть основание быть не вполне довольным нашей критикой, ибо нет у нас часто конкретного преобразования всех этих верных установок в отношении той или иной поэтической группы, того или иного поэта. Нет дифференцированного подхода, нет конкретно-воспитательных мер, нет умения разобраться в процессе формирования творческой личности.

Самое трудное для поэта — это его начало. Найти себя, найти свой особый голос — вот сложнейшая из задач, стоящих перед ним. И задача эта ничуть не делается легче от слишком большого возбуждения, от слишком большого желания развернуть его. Наоборот, тут хочется постепенно начинать работу, постепенно, терпеливо, спокойно проматывать свои творческие попытки. Очень важно суметь ясно осмыслить эти попытки.

У начинающего поэта — туга и длинным стихотворением, к поэмам. Без разнообразия мыслей, слов, образов он сразу, целиком, без остатка хочет вложить в одну вещь, в одно, как бы что не пропало. Он в глужу этих мыслей, образов, слов, ритмов и рифм. Они управляют поэтом до тех пор, пока он не научится организовывать их, удерживать или, приводить их в определенной четкой порядок для той или иной литературной работы. Первоначально материал поступает на поэта, мир порождает его слух, пестротой звуков и многообразием процессов, происходящих в нем. Уметь правильно оборотиться от материала для того, чтобы потом перейти в наступление на него, — это искусство. Уметь отгородиться от случайного, лишнего, пришедшего извне, субъективное, самое значительное и самое созвучное в то же время твоей творческой настроенности, — это тоже главно.

Когда начинающий поэт находит такое зрелище огромной цели, которое дает ему возможность вытиснуть все ее целиком в огонь поэтической перепалки, тогда начинают крепнуть его корни, начинают мучить особые, ему одному свойственные поэты и поэтики. Тогда начинается поэт.

Где это основное зрение, которое должно найти и частично находить поэта «Смена»? В чем ее основная установка этой группы? Смена — установка этой группы, заключается в том, что поэты «Смены» призваны быть поэтами нашей страны. Она заключается также в том, что поэты «Смены» призваны стать смелой и подлойгой старшей, выжить уже взрослых, поэтической плеяды — плеяды певцов, молодой гвардии нашей революции.

Неслучайно падая эта в течение целой эпохи своего развития называлась «Молодая гвардия». Ученье, традиции и опыт этой группы, продолжают отдаваться слабости и недостатка ее работа — задача групп «Смена».

У нас, молодогоardeйцев, была и осталась одна немалая традиция: прислушиваться не только и голосам критики, но и к голосам рабочих аудиторий, студенческих обществ, рабфактских ораторов, комсомольских собраний. Это — наши основные пункты. Там мы проверяем свою работу.

Услышать свои стороны, обсуждаемые в этих пунктах, услышать, как многие на них цитируют в связи с тем или иным событием общественной жизни, поверить, — это лучшая награда.

Традицию ранения на нашу жизнь, замечательную молодость мы должны ценить и перенять у поэтов «Молодой гвардии». Не просто перенять, а усвоить ее, учитывая особые вопросы, особые требования, но качественно новое в молодости, что сложилось в ней на протяжении эти социалистической стройки.

Под знаком комсомола выросла и окрепла первая группа поэтов молодой советской страны. Под знаком комсомола — тут роста и возмужания ее смел.

Мне кажется, что это по поэтическую молодость «Смены» можно разделить на два течения: техническое, выработанное работой таких товарищей, как Жискин, Марус Фейеровиц, Белгиский, отчасти Замiatин, и течение, представляющее тт. Обксендер, Панченко, Шпирт.

Я думаю, что не только творческое соревнование, но и борьба между этими двумя течениями на этом этапе могут быть полезными для роста группы в целом.

По какой линии должна идти борьба? По линии поэтического освоения метода социалистического реализма прежде всего.

Товарищи Жискин, Фейеровиц и другие находят, с моей точки зрения, на более верном пути и этому освоению. Они прежде, убелительные, правдивые рассказывают о нашей жизни. Они ближе к молодежи, которая строит, борется, учится. Товарищи Шпирт, Панченко и Обксендер тоже поют о молодежи, о молодости во всяком случае. Совсем немного поют:

Мы дураки, стоим над синим морем,
Мы стоим у моря — ждем погоды,
Мировой погоды Октябрей!
Нет, не ждем, а делаем погоду
в гурдуи — задем весны
На первом южном казачье.

оскандит т. Шпирт. Это — правильная установка, но не всегда она превращается в жизнь стиха у Шпирта и у других товарищей. Наоборот, часто их стихи выглядят стихами у моря, всерьез описывающими мировую эту погоду, но не декларируя ее.

Товарищам свойственно пассивно-романтическое отношение к действительности. На сцене в главном образом на море плещет их оживленным ветрами гражданской войны братьями-матросы, портные рабочие, когетары дальних плаваний, гухары-казахстанцы, самую глужую которых своеобразно изображают тт. Обксендер и т. Панченко. Под звездами «высокого натрвва», но несь полукосмический рост рисует т. Панченко робич-кавалеристикон:

Они
Глухи,
Слышат
Республики со всеми декреты.
Смешные всемирных пристеней.

Романтизм с о-а-а-а-а в чучу моря т. Обксендер переносит чаще, чем это надо, и на сушу. На-

пример о пахарах советской земли он говорит:
О, когетары плавания земного,
О, пехиди равнин с о-о-о-о-а-а-а-а.

Это плохо своей искусственной напыщенности. Всем этим товарищам воле-неволе придется все больше и больше думать о поэтической первооснове, по мере того как они будут расширять свои морские и дореволюционные горизонты.

Метод этих товарищей неизбежно будет приходить в противоречие с жизнью материалом нашего времени. Романтизм, восхитительное «О», в кругу которого товарищи — нельзя не признать, — складили известные успехи на первом своем этапе, может в дальнейшем оказаться холодным, сконструированным их творчеством колымом.

Наш товарищеский долг — указать нам на эту несомнительную первооснову.

У тт. Жискин, Фейеровиц и других — другие герои: комсомольцы, фавбаши, спортсмены, гармонисты. Это не те «безусые витязи», которые не знают, куда себя девать, и риндиси предложили колымо перед военным героизмом отцов, представляло себе период гражданской войны как сплошное лазорное невосторжение и нас с нас неосторжениям поощрает.

Нет, это — витязицы иного склада. Они прежде, они глубже, они цельнее.

В стихотворении Замiatин «Мой лед вичуче, готовый к обороне советских границ, выгнано расширяет дела о пролом:

«Я не вылезала из досок сало,
А только припомна, как в проубри реки
Красных солдат, наших отцов,
Заморожавших «белая».

По телу шпешком прокатилась мурашки,
Снался — дреска вытарапа в зубах».

Это — более реальное, жизненное, искренне ностриятие прошлого, и поэтически оно выражено достаточно ярко, хотя в целом стихотворение «Мой лед» грешит рядом ошибок, неуклюжостей, словесных небрежностей вроде сравнения седым лед с серебряными струнами или вроде описания вечера, «второй изволает в дом, придаливая идиельный свет».

Это от ностриятия, от недостаточности художественного вкуса. Но умение и вкус крепнут у поэтов «Смены». Это ярко чувствуешь у Жискина в его амико-вирческих стихах:

«Примывайся в душному деку гурду
Морским нотком волнаты,
По россии солнца
в пять минут
Ласкала коница».

Строки Жискина, содержащие четкую идейную направленность, в то же время обладают живой эмоциональной окраской.

Возьмите также стихотворение Марус Фейеровиц «Прощание с товарищем», напечатанное в № 3-4 «Смена» за тот год.

В «Прощании с товарищем» автору удалось при достаточной идейной глубине очень крепко сать ладное и образное. А вот это, для раз ладается камнем претривания в амико-вирческих произведениях даже наших крупных поэтов.

Недаром же Пастернак, чиндымься и падая с платформы, так беспримечательно восклицает:

«Но как бы
С моей гурду каткой
И с тем, что всякой востости коница?»

Амико-вирская струя т. Фейеровиц бегит по руслу не только увеличивая величье сродности, но руслу борется с мелкобуржуазными претриваниями сознания и психологии, и по формирует по ноему в смысле и сознание человека, что дает ему право на востное утверждение в число граждан обсклассического социалистического общества.

* Тов. Жаров разбирает этап не всей поэтической группы «Смена», а лишь ее основной части — Рус.

ЗНАКОМЫЕ ГЕРОИ

1.

Не задишься, паровик!

Михаил Харьков, Мельник Александров. Герои, паровик. Завысокий и худой в степь. Огромный стеномерные паровик. Грохот гудит в отвиженных вентиляторах. Мы долго мчим степью к стамбу и Крыму.

Рассвет пасмурен в окрестности степи. Мы видим промывку солончака вдали. Угрюмо землю. Заваторка близка с узеньким горышком. Грузовик на степной дороге. Он катится к горнолыж, к ветряку. И ветряк откинувшись от автомобиля всеми чехлами впереди.

Байкон Синая. Где-то за километрами легендарный чонгарский мост. Мы видели его в кино.

Образы гражданской войны рожет над полонотом, присланному разгромами и пиком Алауто войн. Сегодня мы не будем отыскивать места боев матрских отрядов. Не останавливаясь, пройдем мимо затравленных степных могов. Может быть в них похоронены герои Фурманова и Вильямсового? Но мы спешим к складующему поколению героев.

2.

Череня коробка на плоскости.

Балже. Под коробкой тонкие иррегульные колеса. Еще балже. Балон. К желтой дощатой стенке прибита полевая газета.

Балон здесь называет «палубу». На этой «палубу» львет черта степь, бросая вкось в колозак, тракторная бригада. Разделанная земля волнами бежит за кормой этого корабля на волнах.

Чесо кропит.

В борозде бжукуют тракторы.

Тракторист Яровой подводит машину под стенку вагона. Зарывавет квалит, выкопывает грязь между шпур. У него сматане волосы, большие руки. Он родился в этой степи. Яровой был пономичем. Теперь он тракторист. Яровой достает трубку и крепко трет бока своего «ХТЗ».

Битуря вагона в желтой пещуре. Пылает солома, и так же у него горят щеки у Аема. Она снимает лоджой накинсе с заклипающего в казине суна. Трактористы сядут на парак, следят за се движением. Бригадир достает из сумки хлеб, режет ровными ломтиками.

Дождь заглушает сухой звон огня в трубе.

Яровой не смидит. Он выперывает из вагона в степь.

Вода обално струится по серым бокам трактора.

Машина Антоиа Евченко стоит с раскрытым капотом. Струйки воды промывают се илочкише.

Яровой объявляет фартом радиатор своего «ХТЗ».

Вернувшись в вагон, он подходит к Евченко. Евченко сидит на полу с ниской в руке и ест, облажывая торчики котом.

— Соренуешься?—говорит Яровой.

— Евченко смотрит на Ярового и молчит.

— Соренуешься?—спрашивает Яровой.—Машину в борозде повололит, естелавляе.

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

— Ты за собой смотри. Заместо бригадира не распорядился!

Евченко не любил Ярового. Евченко примечал всякую евченкою промашку. Они сообщали с цыгарку, которую он раскинул в борозде. Они замечали брошенную им свалку.

Не любил Ярового и учитель Чаян. Всегда сонливый, неповоротливый, он любил проверить расход горючего и верил трактористам на слово. Евченко называл его ширки, и он ставил их в табель. Яровой нарисовал на учебника карандашом в стенке тракторной Чаян бежит за трактором, а над рта у него вылетают слова: «Скільки!» Под рисунком подписан: «Чаян учит».

Сам бригадир Мартынович вдале в Яровом лишь сонливо высказывался перед ирощедей МТС. Бригадир дермал сторону Евченко, но словаз примиряюще:

— Так относиться к машине нельзя. Она долго работать не будет. Ступай, Антон...

Антон вытрате черным рукавом лицо и медленно идет к деревце...

3.

Разверните газетные компленты 1928—1929 гг. Вы прочтете о многих фактах, похожих на этот, как балженеи.

Это было время, когда рабочий класс Советского союза по-новому осмысливал слово «ударник», прозвучавшее в проходе гражданской войны. Это была первая пятилетка, начало соревнования, полоса опустошенных степей с колдерами и пропущенном.

В эту полосу своими особыми путями выводит сегодня колхозная молодежь. Иной читатель порекомендует: «Что за шаблонные описания! Мы уже читали очерки об ударнике, который березно ухаживает за стянком, обтирает его тряпочкой, как выи Яровой свой трактор. Это шаблонно».

Но усюение передовой деревенской молодежи пролетарского шаблона—самый интересный процесс, идущий на слем.

4.

Тракторист Федор Ниничко, напарник старшего тракториста Ярового, приходит изюваче домой. «Палуба» стоит в двух километрах от его поселка.

Федор Ниничко молча снимает куртку и вешает ее на гвоздь, избитый рядом с календарем.

Он умякает медленно, бесконечное число раз подставляя сложенные горстью руки под горячую струю.

Мать держит наготове чистый рушник. Сильно уважательный человек в семье. Он получает от колозак граммов хлеба, 200 граммов мяса, литр молока за естелово. У сына—трудякишка с густо испи-санными лямками.

Мать решаете заговорить о ворове. Пусть едет Федор веревку к ветеринару. Самой какой-то степенливо.

— Если пустит бригадир—отвечает сын.

— Да негодяй, сынчик! Яки там бригадир!

— Если пустит бригадир—подходит Ниничко.—А нет, так нет.

— Ничего ж у стную роить не будет...

— Вы, мама, не понимаете. Она действительно не понимает. Она живет себе в мире крестьянских предвещаний о труде.

5.

На «палубу» часто заходит любитель Чаяны в поантотдса.

Чаян—рабочий доверкий шахтер, в последние годы—профсоюзник.

Чаян он сидит на скрипящей от ветра «палубе» и проветряет с бригадиром полавате. По всем статьям—норма, расход горючего, бережное отношение к машине—вперед идет Яровой.

— Надо мне красный флажок на радиатор,—говорит Чаян.

— А где жидать?

Аша перемывает миски. Она ничего не говорит, но назавтра подходит к Чалому и поспешно сует ему в руку мягкий комок.

— Что такое?—хмурится Чаян. И тут же замбалже.—Вот кивал у нас Аша,—он торжественно поднимает темный комок, извлекает, и все видит старенькую вышитую ладью девиного кослика.

Аша пользуется средой редких необычайными авторитетом. У нее суну никогда не завадывает. Миски старательно перемывает. Когда нехватно в колхозной калашной слай, она пошла в поантотдса жаловаться. Союз доставляет.

— Тебе привезено не едавать!

Иза-за се павточка пошан в бригаде обнам. Обнамо, когда над машной товарища рет флажок, а твоя буднично сера.

Малчальник Филанский не учился на тракторных курсах, в теории не разбираюся, но машину зина на оцуп, на слух. Он ста перемолывать норму, но у него был перерасход горючего. Тогда дали ему флажок: две трети красной—одна треть черной (белая—за порку, черная—за керосин). У Антоиа Евченко флажок был совершенно траурный.

...Как расписать сегодня «Коробочку?»

Ведь не разудалые молочки дерят «ситец и перчу» своим законбубишам, а деревенские девушки приносятся ребятам красные платочки. На флажки. На соревнования.

Но дело не только в этой новой лирике.

Эти же девушки привели к председателю колхоза Степану Улеву бжукую, раскравпанувшуюся Веру Самойлову.

— Сути, голова!—сказала Лева.

— Вот!—крикнула Маруся Дурова и бросила на стол пыльную горсть зерна.

Алеу в ту же деню освобожден от обязанности кулды. Дочку понаблюдился злодн на молотке. Перемолчавши проголодавшего пшеничноу солому, чтобы выдать муку по трудованию.

Лева стояла наверху и помытывала вилки. Веру Самойлову внизу делала каки-то странные движения. Булто се славывало. По она сбигала пшеницу, то хваталась руками за живот.

Кочилы молотить.

Лева звет подругу, и она шумливо окружает Веру Самойлову. Маруся Дурова ошумывает поам вкери оделения. Наладм се вынажуют в твердый бир сер. Так и ест! Зерно. Борючка проделала джрки в парню и спускала в поле зерно.

— На суд таких колхозниц,—требует девушка.—Ми ночн не спалим, за колоз старяе, а она, гадина...

На этой «палубу» львет черта степь тракторная бригада...

Сестра председателя колхоза Степана Ускова Нада вышла замуж за тракториста. Первый месяц после замужества Нада попеременно бралась за работу: снимала буровые, перемалывала солому или кофалы, сплотившись, за бункером, сдирая палкой налипшую на лемеха землю.

Муж ее водил трактор. У него над радиатором трепыхалась в ветре красивая фляжка. В самый разгар севы Нада исчезла на стене.

У Степана Ускова—правило: не ругаться. Красная армия учила выдержке. Иного, не в силах сдерживать себя, он отходил за абор и матовался под дождем. Теперь, идя на квартиру сестры, он сдерживал нарастающую злобу.

Нада заменивала поило для коровы.
— Почему в бригаду не ходишь?—спросил брат.

— А на что мне твоя бригада?—вопросом отвечала сестра.

— Тебе индивидуальная корова дороже колхоза...
— На меня Ванька заработает!

— Ты Ванькой не прикрывайся, Ванька—особь статья.
— У меня детей нет, Я провижну.

— Сизыри, Налька...—закричал Усков,—плавать бышла...
Полоша в колхозе выдача муки по трудовым.

Нада стала в радостно гадящую очередь. Она протягивает кадушошку мешком, но тот не смотрит в глаза, заваливает.

— Тебе приказано не выдавать. Следующий.

— Бисы зашудукались: вы какой народ пошла—брат родную сестру не жалает!..

Узурники одобряли расприжание Ускова: оправдалово. Раз она не работает, не давать ей хлеба.

Муж-тракторист, узнав о расприжании, помчался.
— Что и ты меня поворишь?

Тогда Нада прибежала к брату в слезах, в крике:
— Ты вроде свой, а вьешь из нас вереник!..

Он отгнулся совершенно спокойно:
— Мне Нада, безразлично,—свой или не свой. Так и тебе вопрос ставить.

7.

Старик Мефодий Сербин переселился в степь из Квещиним, где у него было подлесатинья земля.

В молодости Мефодий батрачил у степных хуторян. Ненадолго, зимой и августом его жилища срезалась вместе с кулацкой пшеницей. У кулаков была аккомбания и рисика, крепкие постройки из плавного кирпича. Мефодий жил с синювыми в землянке на краю низкого перекаченного посёлка.

На 50-м году жизни он стал малым правления колхоза.

Ему поручили бригадирствовать на подвозке зерна и воды к тракторам.

Весьном он сложил пашинную полку под керосиновой лампой в правлении, выписывая пометку автразвешива: «20 апреля. Возду вонзять: Понка Антон, Самохвалов Иван, Самохвалов Егор... Зерно вонзять: Максимух Федор, Божидар Степан».

И если Самохвалов Егор не выходила во-время,—он стучал на раскисте в окошко кто хати.

Однажды подобная история случилась со старшим сыном Мефодия, Николаем. Назначили его возчиком зерна, а он протиснул.

Старик раскричался:
— Люди работают, а ты бурдукаешь!

Николай насмеялся над отцом. «И чего вы, батя, стараетесь, все равно медальку не получите. Этот конюха был стариком си разнуздан к весне и бесниным почам отга.»

В конце концов Николай женился в Угале из хати.

Жена его работала в школе куцаркой.

Он выставлял жену приносить ему и горючие порции детского супа, а сам грелся на солнышке у хаты и курил.

Когда его исключили из колхоза, он пришел к отцу:

— Дайте в даг хлеба...
— Надо было в колхозе работать,—отвечала старик.

— На, что мне колхоз? Я в Сельхозшколе на Морозовке устроился.

— Не возмуть тебя,—убежденно сказал Сербин,—ты есть гад, паразит, обуза советской власти.

И не дал ему хлеба.

8.

В вагон впрягают мощный «ХТЗ». Бригада закончила участок и переезжает в соседний колхоз.

Из посёлка идет Чалый, а рядом с ним незнакомый человек с фотоаппаратом.

— У нас есть хорошие подлесатинья,—говорит Чалый.—Мы будем фотографировать бригаду для областной выставки...

Трактористы топчались у бочки с водой, плещущая, достают расчески и по очереди прихорашиваются перед зеркальцем Лены.

Фотограф измолочил: ему нужен обязательно чумазый типик. Но все трактористы фотографирование—правдники, они не понимают требований фотографа.

— Становитесь, становитесь,—хлопочет фотограф.—Нужно снимать курток... Вот так. Облокотитесь рукой на крыло. Поверните голову.

Соревнуешься?—спрашивает Яровой

Он уже накрывает голову черной тряпкой и нацеливается на бригадара, как вдруг перед объективом вырастает сына Чалого.

— Стой,—говорит он и поднимает руку.—Стой! Снимать не будем.—И указывает на раскисшие желанные части. Это бункер, испорченный Автоном Евченко.

— Бригадирю, у которого бункера урождут, не место на выставке!

Бригадир опустил голову, жалко улыбнулся, бормочет:
— Я со своей стороны обеспечен...

Тогда в разговор вступает бывший погоним Яровой:

— Кто Антоном поблужку давал? Из-за кого трактор номер три простоял сутки? Почему не отпуграфовал за бункер?

Он говорит долго и страстно, и Чалый уводит в его речи зловонный запах шпателей и металлов.

ДМИТРИЙ БОРИСОВ

ВОЛЕЙБОЛ

Шла вчера гроза над парком,
Парк звенел, гудел и валгалывал.
Ночь сыгнала зло в краю

Дорогой летел влетал.

Листья ветром сдувались,

Листья ветру отдавались,

Ты бежала,

И срывалась

Ремешки твои свисдали...

Как шумел он,

Буйногрымый

Парк, надальтер чернотой!

Как гудел он,

Черной ливень,

За каинтотной чертой!

И твои цветные платки

Было ливень переучивают.

Нас гроза звала к раскисате

За ливень, не зная, чортон...

А сегодня,

Как и прежде,

Опробирнутой в озерях,

Серебряной, вымытой и нежной

Парк сквозит зеленосерый!

Разошлась сысно и волюно

Парь крымален для поветя

Над пладоцкой волейбольной

Сивнатьесть небосвода.

И твоя легкость листьев

Сдобрена улыбой солнца.

Как ландр вольбобластна?

Играка и комсомоляца,

Неуемного, как мянтинка,

Энергичного соседа.

На его зеленые майки

Камал солнечного света...

Но лицо моей партнерши

С произвоства «Карлаоента»

Как на зло, неземного свиреоты

Напряженности монента.

Но такая оговорка

Рифмы ради и не болает,

Ты так легка и так проворна

Ты на поле волейбоблоном,

Что заплывает, поплаву,

Ловкости твоей берега,

И она бы вебежала

На такой лесалый розмгрымши,

И она, быть может, дерзновенно

Вынграла бы в этом матче,

Но нельзя сойти ей с места,

Ведь она не из холдичик...

Ты слышишь через плаодоцку

В играках солнечных—в лучах.

Как ты зла и беспощадна

К домогательству мяча!

Как струна,

Твоей излодой вкуста

Напряжен, звенит, дрожит.

Что здесь?

Пыльства?

Искусство?

Или молодость и жизнь?

В безруканке парусиновой

Округается плече

Не оно ли в небо синее

Слимер ллудно вичюет?

Не твои ль шальные кудри,

Выбитые на влаток,

Доволают это утро

Сверкующей теплотой?

Но, твои ль чинювата

Загорелая рука,

Что легка, вынута

Светотеню березника?

Впрочеи

Как бы это ни было,

Даже после разберетса!

Утро. Лето.

Солнце. Небо.

Парень. Девушка. Березка.

НАШИ КОМНАТЫ

1. Маленькая история

Началось это с пустоты — с абакюра. Однажды, придя с работы, Сергей (секретарь цеховой дачки, голос тихий, глаза уверенные), отворил дверь, долго стоял в раздумьи на пороге своей комнаты.

Затем он вытаскивал блокнот и среди: «Выглядеть ребят на Метрострой», «Вылеты на коллективный простор Ленинградского трамвая», «Подлететь вышнюю бригаду — разбогател!» написал:

«Купите абакюр». Глаза были лежавши на столе вперемежку с зачерствевшими кусками булки. На кровати владелица варина спешивала. Варина туфля лежала по середине комнаты. Сама она широко улыбалась со стены, и брови ее шли кверху. Поминутная абажурная спускалась покрывая комнату и бросала рассеянный, серый свет. Ветер трепал газетный лист в окне.

Возможно, что острый край четырехугольного зеленого абакюра и провел первую царапину на зеркальной галади крепко наваленных отгнорий Вары с бужем. В дальнейшем в комнате появлялся шкаф и исчисля вешалка, где варини платка и блокнот Сергея покрывались тьмой (образует Серрейка).

В шкафу оказались полки для хлеба и чайной посуды. А книги располагались на вращающемся приколде нового диспансионного стола, прочно утведившегося у окна — (нелуку несешь, Варя!).

Сергей ничего не решал спорчая. Из чувств больше всего не любил сожаления. В рещениях был последовательнее до конца.

Ветер. Открытое окно выхлудило во двор. Новоявленные половитыне занавески колашнулись от ветра.

Выхрставшая девушка (стационация, физкультурница, походка стремительная) сидит у стола, брови ее разлетаются кверху. На столе разложены книги, блокноты. Листки бумаги испещрены размысленным почерком Вары — военная путаница китайских генералов, разгад фашизма, болятина Лиевской кооперации.

Сергей, усмехаясь, берет с кровати спешковку жены и влезает в шкаф. Он любит эти вечерние часы застывшей, угловатые, резкие движения Вары, ее порывистость, горичу в спораз, боевую азартность 19 лет.

В такие часы előre болышии и азышии слов «колхоз», «союз», «политика партии» иногда встречаются серне галади Сергея с варини глазами жены, и тогда возникает на повешение и коммате хорошея любовная тишина.

Сегодня Варя не дожест его помощи. Ей трудно самой, и упреки складки морщат лоб.

И началось это с пустоты — с абакюра.

За оном прохлудит знакомые ребята на этого дома. Они оставляются, загадывают с комнату, зловония и адрот вездозидно рывають хором: «Завоюить жить свое вонюе, жить душа с душой». Т-т-т, т-т-т, т-т-т, вырывается коммате несмысленный, опереточный мотив. Овладевают на Серрейку, Варя с досадой заволают юныя, и уже заглушенная догадка:

— Тата, тата, тата...

Сергей поплахивает улыбаюсь и тихо подползает к жене.

2. Потучинисл

Наротив заревоких коридоров «Шарикоподшипников» в Москве выстроились барачники четырехугольными рабочие дома завода. Корпус 1-й. Квартира 51-я. Коридор...

И-за закрытых дверей не слышно детского плача, кухни пустыни, шами не пахнет, вещей в коридоре нет — здесь обитает коммате молодое. Стучится адулка. Хозяева — две девушки. Одна из них дома — Шейнциг А. Б., владелица, недавно окончила ФЗУ, Пошла сюда из барачков — вышла адулка.

Коммате маленькая. Она предпринимает возможности. Две кровати. Стол. Маленькой столики. Стулья. И тем не менее коммате радует, — на ней печать заботливости хозяйки о своем жилище. Коммате дале парадиз. Почему? Правдичность коммате создают две вещи — чистота и белый цвет. Белые одеда на кровати, белая занавеса на окнах, белая скатерть на столе (в прошлом, повидимому, простыня), чем-то белая покрыты платки на вешалке («Шаму шаму высуши, но это — вопрос будущего»). Со стн смотрят Наркомзактрим и пред. Совнарком. Большие на стенах немого нет. Абажурка спрятались в колаж абакюра. Абажур прост, является синий. На столе неспящая.

Униты. — Нет. Бывает иногда курящий парод. Пепельница на столе у некурщих — мелочь, но это говорит о многом.

Хотим загадеть наротив. Девушки отговаривают. Улыбаются. Действительно, коммате наротив оставляет желать много адулого. Дни столбы. Оном закрыто, закрытодело людям. Все курят. Коммате отсутствует Окури — под кроватью, где заидеются старые брочки и грязное белье.

Холоди — товарищ Кустович. Молодой парничка, неидящий фабрик. Ливнет с товарищем, тоже товарищ.

Стулья пустыют. Пришедшие ребята ужимают кровати. На кровати — скрываа грязный подушек и скромнанный одеда (простыня коммате). Голые двери и окна. В одном месте стулья заменят галета. На столе книги, щипки, грязная обувь, банки из-под консервов. Размеры коммате одинаковы.

с продмущей. Вещи почти те же. А общее ощущение — сроты, грязь, запущенность. Задум не угадают сроты адулка, о нем не думают. Но самая большая беда в том, что ребята пытаются подвести каку-то идеологическую базу под свое нежелание, а может быть и неумение выкружить житу! Девушки пробовали воздействовать. Куда там! Ребята хорошелись и отдалывались хлесткими словечками вроде «мещинство», «обратстве», «революция не пострадает». Они находили особые условия, придя в комнату Шейнциг, пахнутца скрамку на белом одеда и спешковку, бросит на пол окурок, когда на столе пепельница, и т. д.

— Да они все такие, ребята! — смея пахивет в глазах у Шейнциг.

Это коммате нестеро. В своем путешествии по квартирам мы убеждались, что бывает и наоборот. Дело не в любви или брочках. Дело во внутренней культуре, за которую нужно бороться с своим братом молодости. Дело в серьезном и вдумчивом отношении к своему жилищу, рождению любви на какой-то ступени сознательного развития человека. Мы рмтем экономическую и культуру. Мы изменили много стран, но мы должны подумать и о лице своей коммате.

Матрос одинок. Рядом с ним мавзель оперлась на голову плечи (весь и такой адулок).

Саварович уже адулка над эти. Молодой хозяин коммате — савсар, адурик. Работают, оба — комсомольцы, молодоеши. Они уже чувствуют, что кровать, выкрученная в немалом адуле цнет, с довершии лабораторными урчаниями и старым крошечкой комод, доставшийся от чыт-то родителей, не адул и стула комсомольской квартиры. И адиктивная, адулометричная, изадул, из вещи — адулора. Она прелест и адулка, адулово коричневого тона, несколько поале, где стот адурик молодой жини. Куплены по коллективной адулие и утилизе адулка.

У Саварович уже мавзель мавзель о адулок-то плаваном, продуманном оборудовании своей коммате, ее адулиеи адуле и ничего адулиеи в атом они не находят. Но мысли по атому походу разрозненные, неясны, вус еще не выкристаллизировались.

Корюса, адурикши, дери, адунок. Заглазцем и Меркулем. Голубаявкая, тремесная продукция бахрывается в руках жини — стационация цка автомата. Меркулю — савсар, 23 года, женат года полтора.

Заста уже кисе вкуса. На широкой кровати редукция рыбь адулокую, ватного одеда. Поадула не просте, а в развозад узоров. На поле бирюзового неба и необычайной жини трава горло прелест свое рот адулок мавзельного итени (подклад на кровати). На стняк токует русака, и новогодий молодой человек любозно наклонился к жини адулке дещине (отвернуть). И вместе с тем в коммате руиор радио, новоящий велосипед, изадулово сопелкиши с комматеи мавзелью, и в обмывнованном часам-ходкам Меркулю приделал хитрое устройство, дещалоющее их будильником.

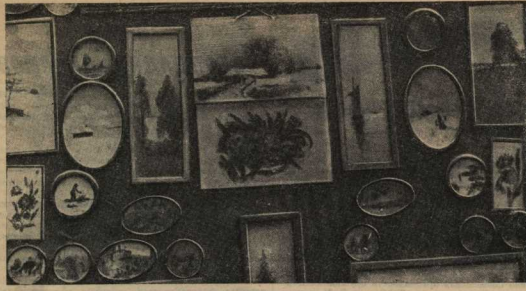
В коммате уживаются технический уровень нашего сегодняшнего дня и уютга для втерешего.

Уже июльно. В домах заиваються отни, и балачивайки болышии корабелье они пахнут в синих юных сумерах.

Колковка задумчиво трогает струны гитары. В деревне она окончила семилетку. Пахлава, госила, адулка и еще там адулка, в коммате. Три года адулка приехала в город. Сабквот оном уже адулка чинарвоваого цка и гуиутор комсомольца.

Коммате токаря опрятна и солнечна, но на столыке почему-то скалится зуби Медистовель.

Вещи—которые зловещи

Но стена, не Сочни, сплюсненье трюллий
Луные ночи,
и в цеплях люстры.

Но даже ювонки дохнут важно
От улик плавящего,
Однорукого С. Корсакина

В комнате маленькой стола у окна, табурет и кувшета, асимметричная кровать. Портрет Ильича в детстве... и все. Комната чиста и пустыня. Откуда такой аскетизм?

— Да нет, что вы! Дело не в этом. Комнату я получила недавно. До тех пор жила в бараке, потом в общежитии. Просто не решила еще, какая она у меня должна быть, что мне надо, чего хочется. Вот портрет Ленина хочется большой, а хорошие рамы.

Пауза... Поповакамбает...
— Мы, пожалуй, жить еще не научились! Молоды, что ли?

Сейчас еще трудно говорить о четком лице комнаты нашей комсомольской рабочей молодежи. Вещи попадают к ребятам в большинстве случаев по признанию необходимости, без активного «акусто-тонического» отношения к ним. У нас была дискуссия о галстуках, и сейчас уже очевидно, что бить хорошо одетым отнюдь не недостаток для комсомольца. Потребительские потребности молодежи растут, и уже обрисовываются контуры новой проблемы, тем же для новгородцев—это проблема хороша оформленной, красивой комнаты, вещного окру-

жения. Сейчас на заводе Комсомолец. Хочет оклеить комнату. Просит купить чего-нибудь однотонного со сложными, заметными рисунками. А на старинку обдувается раб красок, зигзаги линий, икарнальные розовые цветы на голубом фоне. Старушки они даже, пожалуй, нравятся, но ведь у сына другой вкус. И persists в нерешительности, она отходит.

В домах «Шарниподлинники» стенам штукатурены и недавно окрашены. Обои не нужны. Но зато нужен кортик, чтобы не касаться молодой стены и не пачкать ее.

Видимые микрорельефы? Здесь его достояние современника. Грубо нарисованные и беззастенчиво расширенные китайские с бантом и две ребят, вешающих на ябу красный плакат «За советскую школу». Но пусть не обманывает нас сюжет последнего кортика—это типичные «спай-жесткие дельты» в стиле «шпек», которые христосовались в аллюциях на дореволюционных пасхальных открытках, вызывая слезу обывательского удивления.

В отделе ИЗО имеется уже ряд неплохих reproduций с картин великого и современных советских художников, но сюда перекочевала неслепящая пейзажи Ильича, воров и Сузаревича, продукция неизвестных и безграмотных подмаек. А лица вездеход неадекватно украшают какую-то бездарную композицию из ступок, туши и красочной споноральной подкладки, на фоне которой трубы, дым и пр.

В проходе жилище рабочего—углы, каморки, темнота, сырость. Возможно, что вместо отсюда и рождается стремление к чему-то яркому, нестому, пышному грубому и безвкусному, но могущему противостать мрачному, серому колориту явняка.

И бумажные розы красят за окномом зеленым, и кривые ослепления украшают стены. Ведь бумажные розы были дешевы, а настоящие недоступны бюджету рабочего. Искусство располагалось в приволье обоев. Сейчас бытовые и экономические условия резко изменились. И если иногда сохраняются прежние представления о красоте в «угле», то это—вещный эстетический рефлекс, который мы должны изжить. И чем скорее подлинное искусство цвета, рисунка, линий войдет в быт нашей рабочей молодежи в виде повседневных вещей обихода—обоев, посуды, статуток, картин, стульев и т. д., тем лучше. А вместо этого кончаящая жизнь украшает многие поля наших магазинов, лавочек конторчового покупателя. И это море пошлости грозит проникнуть в рабочую квартиру.

Резко любозно репут, сообщая о мебели, раскрывая, доставке на дом. В мебельном подвале в

лабиринте вещей бродят толпы «обзаводящихся». Молодежь покупает быстро. Они походят, заглядывают, потуст. Если цена подходит, сообщают адрес.

Вещи разбрасывают по квартирам, чтобы в дальнейшем определить лицо комнаты. Молодежь купила диван, могущий заменить кровать. Нужна тарха, кувшета с одним вальном. Здесь их нет. Основной тип—диван, на котором нельзя встать, но зато претенциозно оформленный деревянной рамой с мягкой над спинкой. В таком виде это не просто диван, а «вещь».

Кровать, все ее обзаводящихся, от самых дешевых до самых дорогих, украшены металлическими, никелированными наращения на спинках. Их количество и размеры зависят от цены. На некоторых даже равномерно металлических листов и цветы. И невольно вспоминается медведская кровать, выслана как шварфот. Монументальное «доброе», где четыре спящих шара и где спят. Есть, правда, здесь и простые, без претензий, столы, шкафы, могущие замесить ребята сразу три вещи—комод, гардероб и буфет. Но вещи такого типа в меньшинстве, они прячутся по углам, уступая дорогу своим разукрашенным, претенциозным собратьям.

Капиталистическое обиходя фетишизирует вещь. Она дана на выдохе. Она становится самоделью.

Человек поднимается в щ. Вещь—высшая благополучия. Вещь—это звучит гордо. У нас была ряд простот, в которых незначительно вещь более обзаводящихся, — это была конструкция, могущая превратиться из диванной в кровать и на кровати в шкаф. Эти конструкции загибы родились как некий стид за прошлое, стид вещи.

Но все-таки до сих пор мы еще не назвали своего стид. Мы должны создать стид советской кровати, в которой должна быть функция, проста, удобна, изящна икупа в словах Ильича. Рабочей молодежи нужно дать в этом отношении четкие образцы, организую, воспитывая ее вкус. Нужно выделить особое внимание выпуску нашей массовой продукции. И если следовательно можно заставить почти в каждой комнате делушка мал ребят, то нужно найти наилучшую линию циферблата и его окраску, не пытаясь подменить настоящую звуковую работу с вещью делушкой развлекательной.

Ни сектор искусства Наркомпроса, ни профсоюзные, ни комсомольские организации не пытались поинтересоваться «искусством», окружающим рабочего в его квартире. Ни кто-нибудь из них не привлекал скульптуром, художником, декоратором и работе по художественному оформлению рабочего жилища. Давно пора нам подвигать вилуногу к разрешению этой «малой» проблемы.

До чего глупы довели!

ния (обои, мебель, посуда, украшения) и организация вкуса нашей молодежи в этом направлении.

Комнату Комаровой еще пусто. Комарова в радужном. Посмотрите, что все могут дать ей наши производящие организации, наши магазины. Ведь у нас единственная в мире торговля, задача которой не сводится только к купле-продаже и рождению барыша. Зубные щетки в кооперативе рабочего сектора—орудия воспитания. Наша торговля должна...

3. Мосторг неч токовой

Старый козел обзаводяет юношу. Пальмный зубу ярчичо оладывает продающими. Мислическая женщина обзаводялась на голышу пумы. Исласький град в безвкусном наряде призывает ятроса. Разватоются литочки флотской формулы. В гулах матросса кабат. Ныломовичи в строительном движении вперед, он «отдает концы». Матросс одинок. Различение и умалые пионеры в счет не идут. Веренца полутолых женщины с кувшинами десвуют за водой. Неистово обзаводяются коты...

Это не бед, товарищи, это витрина украшений—типовых статуток в Мосторге.

Маленькая старушка беспомощно озвывает у приважа обоев. Смы только что вернулася из ар-

Ильичская пролетария в стиле Мосторга

На снимке не картина в ковчиге «дополнительного» типа

БИБЛИОТЕКА

РАБОЧЕЙ ПРАВДЫ

ПЕРЕДАДИМ ДИНАМОВСКИ

Н. БУЛГИН

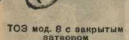
ИНСПЕКТОР СТРЕЛКОВОГО ДЕЛА «ДИНАМО»

НОВАЯ МАЛОКАЛИБРНАЯ ВИНТОВКА — ТОЗ мод. 8

Измение распространяется о роли и значении широкого развития стрелкового спорта из малокалиберного оружия, в частности из малокалиберной винтовки.

В дореволюционной России стрелкового спорта не существовало, а потому малокалиберные оружие с его прекрасными баллистическими качествами совершенно не было известно.

Пioneром стрелкового спорта в СССР явился Московское пролетарское стрелковое общество «Динамо». В 1923 г. «Динамо» приобрело всю партию винтовок ГЕКО мод. 1923 г., везших из Германии на сельскохозяйственную выставку (в Москве). «Динамо» извело новый метод обучения стрельбе из винтовки. Основой его является предварительная учебная стрельба из малокалиберного оружия. Эффективность этого нового метода была тщательно проверена, что в результате позволило начать широкому развитию стрелкового спорта в СССР.

ТОЗ мод. 8 с вывартым затвором

В последующие 1924—1925 гг. в СССР было введено довольно значительное количество вывартых винтовок ГЕКО мод. 1923 г., а также других систем. В 1925 г. впервые появились малокалиберные винтовки советского производства, первый образец — А Смирнского, мод. 1, и несколько позже его же мод. 2. Оба эти образца обладали недостаточной точностью боя, сконструированы они были с расчетом на использование некоторого брака от боевой винтовки 7,62 мм (части затвора, спусковой механизм, ложа и др.). Однако владеть массовое производство не удалось, оно было прекращено в 1926—1927 гг., так как отвод брака от боевой винтовки резко сократился.

В 1928 г. появилась винтовка ТОЗ мод. 1 (создан Я. Каневским), представлявшая общепринятый спортивный образец (вес 2,4 кг). Винтовка эта имела очень много серьезных недостатков. Главнейшие из них: крайне низкая точность боя (почти вдвое меньше в сравнении с зарубежными), отсутствие неразрывного расчета размеров канала ствола, затем неудобное зарядание, исключающее стрельбу на скорость, и наконец полное отсутствие пригодности из-за неправильных размеров ложи и неудачно выбранной формы ее. В дальнейшем, стремясь улучшить зарядание, завод перешел на другую, крайне неудачную конструкцию затвора,

каменим переднюю (запирочную) часть его точно по типу винтовки Валтера. С этим новым затвором винтовка получала наименование ТОЗ мод. 7.

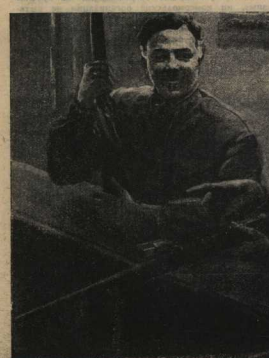
В 1929 г. для винтовок ТОЗ мод. 7 по предложению моему и А. Смирнского были приняты новый ствол (цилиндрической формы, несколько утолщенный в диаметре), с флансом на дульном срезах, повышенная точность боя и затворных частей, и с новыми размерами канала ствола и затворных винтовок, и новая ложа, в начальной степени повысившая пригодность оружия. Винтовка получила наименование ТОЗ мод. 7 А.

Изменение затвора (тип Валтера) в винтовках ТОЗ мод. 7 и ТОЗ мод. 7 А достаточно облегчило зарядание, но зато неудовлетворительная конструкция этого затвора привела к разрывам шпатель глаза, а следовательно и к порывам пороховых газов назад. Количество таких «зарывов» по мере увеличения выпуска винтовок увеличилось и в 1931 г. пришлось значительно размеры. Пришлось прибегнуть к «хирургическому вмешательству», т. е. удалить существующий затвор и конструкцию, что было совершенно и надежным по конструкции.

В начале 1931 г. Тульским оружейным заводом (ТОЗ) при участии ЦС «Динамо» была разработана конструкция нового затвора — передняя часть по типу Винчестер мод. 52, как наиболее совершенная, надежная и испытанная с включением некоторых конструктивных изменений и дополнений. Четыре изготовленных винтовки новым образом затвора были испытаны летом в 1931 г. и показали прекрасные результаты.

После испытаний был поднят вопрос о переводе производства на испытанный образец затвора. Однако в конце 1931 г. на Всесоюзной конференции Осоавиахима это предложение было отвергнуто (модель была признана чрезмерно сложной для производства), и в свою очередь был вывартен затвор ГЕКО мод. 1933 г. Между тем последний является несомненно более сложным в производстве и кроме того устаревшим.

Учитывая сложившееся положение, ЦС «Динамо» заключила с ТОЗ договор на производство для питания затвором (она получила наименование ТОЗ мод. 8), причем «Динамо» предоставляла для этого необходимые средства. Договор предусматривал высокое качество званной винтовки, а именно 100-процентную акажливость всех частей винтовки, особенно частей затвора и канала ствола, полную взаимозаменяемость частей затвора и других дет-

Художник Свеврог. Ворошилов «Горький в тире ЦДНА (выставка «XV лет РККА»)»

Дескатирует пролетарское спортивное общество «Динамо» могут гордиться рядом выдающихся успехов. Между тем динамовский опыт совершенно не обобщен, совершенно недостаточно освещен друими физкультурными организациями.

Мы считаем одной из своих боевых задач вооружить физкультурников арсеналом выверенных и дальновидных идей. С этой целью мы неоднократно назвали свой труд «Динамо» своим главным союзником в борьбе за единство физкультурных организаций (равне за отдельными пролетарскими организациями) к динамовскому опыту, мы освещают его.

Кроме того кондом распространения нашего опыта «Динамо» над рядом производственных коллективов. Этой важной мере расширяют и дополняют наши достижения. Однако ввиду недостаточности освещения деятельности физкультурных организаций (равне за отдельными пролетарскими организациями) к динамовскому опыту, мы освещают его.

Принципы этого плана, безусловно торжествующего в физкультурном движении, кроются в недостаточности физкультурных организаций и недооценке динамовских методов. Немалая доля вина падает здесь и на нашу плечу «Коммунистической правды» (особенно на последний год), которая, разумеется, предает много нашего опыта, превращаясь в достижений стрим стрелкового социализма. Наше некачественное зенитное стрелко, скру сообщают о спортивной динамовской работе, наша винтовка по сравнению с другими общими образцами является некачественной и малочисленной.

И ввиду того что физкультурные организации Союза имеют основные «политические» задачи: организации массовой работы, организации зарядания (личное и коллективное) обязательств, плакаты, объявления, пропаганда физкультурной работы, рациональное ведение спортивной работы с элементами военного дела и вывартен стрелкового обучения;

общественно-политическая и шифская физкультурная повеленное сочетание физкультурной работы с военно-технической, научно-исследовательская и экспериментальное строительство физкультурных сооружений и их учебно-спортивные.

В обязанности подкрепку уроков стрелкового обучения именно здесь у динамовца наиболее победил! Отмечая по достоинству все вышеназванное, мы считаем, что динамовский метод и оптимально руководит ими со стороны физкультурных органов приняла динамовский метод стрелкового обучения.

На деле динамовская стрелковая работа не освоена, незвестно что же действительно в том, что ители такого руководствования. Мы считаем, что все вышеназванное, особенно в отношении «Динамо» при проведении ряда массовых коллективных занятий является извращением нашего динамовского опыта. Оплатите же этот счет, товарищи коммунисты!

Мы с готовностью принимаем предложение «Динамо» в журнал «Коммунистической правды» ЦС «Динамо» и в других. Задача, стоящая перед «Динамо», — освещать других физкультурных организаций, вести материальную борьбу во всеми нашими физкультурными организациями, в частности с теми, которые пытаются свести к нулю значение физкультурных работ и «Смены» и предлагают нам сменить страницу «Динамо».

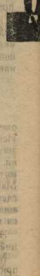
Мыслем полностью успеха новому делу! За дружбу совместно работу боевого Ленинского

лей, как это имеет место при производстве боевой винтовки 7,62 мм. Кроме того для более удобного пользования винтовкой были приняты секторный прицел с дистанционной шкалой в метрах (до 250 м) и мушка с вымашником; для более легкого надевания предлобья, зрени от заушения проломов газов выведен кожух окоя в передней части ствольной коробки и тыловая крышка на заднем конце ствольной коробки, не допускающая выхода газов назад из ствольной коробки.

Первые образцы ТОЗ мод. 8 были испытаны в ЦС «Динамо» в начале 1932 г. Винтовки умшительно испытывались патронами из партии, наиболее неудовлетворительных в отношении процента разрывов, плашки гильзы, в том числе и французские («Артиллерийские Французские»), дающими до 30 проц. разрывов. При отстреле каждой винтовки 1.000 патронов ириворно получено не было. После испытаний и утверждения образца мод. 8 завод приступил к подготовке массового производства этих винтовок. В настоящее время завод, постепенно осваивая производство, начал выпускать небольшие пробные партии этих винтовок.

Таким образом благодаря своевременному производству ЦС «Динамо» мы считаем, что в настоящее время совершенно образцы нормальной малокалиберной винтовки с надежно действующим затвором. Вскоре после выхода первых образцов ТОЗ мод. 8 последний был после соответствующего испытания утвержден и принят на вооружение в качестве учебного оружия как в РККА, так и в Осоавиахима.

В озлом из ближайших номеров будет дано описание ТОЗ мод. 8.

Деревяшки.

Я проснулся, когда вкрадчивая скрипка раскачивала флюстную тишину рассвета. Чуть слышно пробуждался телефон. Под окнами с отчаянной нежностью бела агачено. Потом прощали отступ. Протолкались два заводских тудара. Печально поспрела на дворе корова. Монотонно застучала дзель.

Крутой ржаной запах аскавшей под дождем соломой и размазанной нежностью земляк странно сочетался с запахом бензина и цинковых бела, дуродота и цветущих белаев, нефтяного дыма и травы.

Вечером я видал на берегу пруда кучу бревен и досок, обрамляемые штабелю свежего кирпича, длинные металлургические белаки.

Петер трепал, словно павшим угольщика написанное, театральные афиши.

На площади раскинулась неосажденная карусель. Стылась мажик, словно нездоровый дождик.

Многом аужи электрического света медленно позадан над остроми и частыми крышами построек.

В доме встретила меня старушка с фольговыми чистыми глазами, потом пришла кривой старик, хозяйин Лазарь Основич Катанасов.

Мы погасили электричество, но долог не могли заснуть.

Утром выключила свет, пошла в магазин, третий огрубевшим голосом категорически просил Наюшкоу дать скорее Провалва.

Над мой кроваткой паласан свиневые тени — это вереницей выходили из кинотеатра люди.

Засыная, я считала знакомой бой часов Кремлевской башни.

Утро выключила серендой Шуберта.

Я выключала репродуктор, стоявший у изголовья на высокой тумбочке, и подползал к ояну.

За окном гуло проспалась каменная мостова. После Шуберта и пестуток, телефона и агиченка, заводских гудков, короны, дзель, стучавших под колесами вагонет и странного шептания запахов я не сразу поняла, где я.

Ассондация и запахов, и звуков, и предметов напоминала о металле и земле, городской культуре и болатых пастбищах, о том, что кемали было символом непротивных и жестоким противоположностей в стране.

Гавята приходит во-время

Я почти растерянно смотрел, как падала за окном блестящая, словно голубое масло, воздушная сеткой телефонных, электрических, агичных проводов.

Вслушиваясь в грохот мостовой, я думала, что услышу за окном обом музическом и ланном и пугающим железом на телегах. Но из-за коричневого паруса море показались разные морды заводских агичаев. Аноади тинули за собой телеги. На телегах, свисая до колес, лежала крупная бела солома.

Село Стотинское не похоже на старое российское село даже своим утренним пробуждением.

II

Мы стоим на традиционной улице российского села. Под горой река. Вода зеленыя и па...

На пригорье — обоглавленное туловище колхоза: яны хуаа, как село, шумно переливается через дубовой бор платины.

На горе — обоглавленное бледное туловище колхозов, тельные металлургические трубы завода.

Золотая солнечная пряжа оплетает мягкую погоревшую землю.

От площади разбегаются к реке параболические выгнутые линии проуаков.

Вокруг блестящего пруда зеленеют срезающие треугольники лужайек.

Частоаом, палкадники, агичи с круглыми сумеречными лиственными, высокие алмабровые кустры сухих березовых дров. На задворках в сморозной тинине садов, полуметных и прохладных переломов еще струится усталая соломенная грусть непрочной и дряхлой давности.

Но вот вы делаете один шаг по улице, и от традиционных впечатлений остается только чувство утомительного раздражения. Вы видите над кровлями провода и высокие, как махты пламенных радиостанций, тельные металлургические трубы завода.

Встраниваясь, вы обнаруживаете, что перед вами уже не улица обыкновенного села и не обычный городской проспект, а яру проступающая линия поселения совершенно новой социально-экономической формации. Эта формация, отличная от формации обычных городов и сел, является уже не эскизным планом, а реальным и вступающим в действие планом нового, социального села.

По обемм стороним улицам вытанулись тесные проуаки.

По проуакам идут проколки. Проколки — это почталон, индженка, конух, ветеринарный врач, двое пионеров, садовод, кассирша из универмага, тракторист и зоотехник — житеий сел.

Под агичами в невысокой голубой избушке помещается стотинская телефонная станция, обслуживающая около пятидесяти местных абонентов. Телефонистка Жена Гюгулева здесь соединяет колхозного кузнеца Марьямча с колхозным конюхом Петром Власовым, председателя колхоза с секретарем

Иглокожий кузнец Марьямч разговаривает по телефону с колхозным конюхом Власовым

и чичий Надей Соломуровой, а Наюу с районым комитетом комсомольцев из с Ярославля.

Стотинск вырос в вышкана. Его слышат и на другом конце села, и в Ярославле, и в областном управлении Ивановна, и в Наркомизме СССР в Москве, в Орломском переулке. Но агиче слышат и агиче видит. Ночью в окнах домов сияет электричество. Солари освещают замощенные камнем улицы до первых пестуток.

В селе всего девятно пять дворов. Это — небольшое, почти хрупкое село. Но в Стотинском свой солосвет, свои болащца, две школы I и II ступени, универсальный магазин, почта, обертывальная ясса, производственный участок МТС, пожарное депо, кинотеатр, народный дом, летний сад, библиотечка, ветеринарный пункт, чичей-партияная и комсомольская, профсоюзный пункт сельхозмашин и главный пункт культурного и социально-экономического переустройства села — колхоз «Красная яна», организованый еще в 1923 г. Ни один уездный город не имел такой сети общественных учреждений.

В селе Стотинском радиофицирована каждая изба колхозника. В раскрытые окна ночью слышно, как перекачиваются радиостанции нездоровячей страны, и часто легкое звучание фаяситы из Большого татра слышится на этой улице с пылающим гармоном.

Село торопано перестраивается и строится. По-янтю, в архитектуре еще незаметен приход Юриана и Корбозе. Кирпич и металлургические белаки впервые появляются на строительной площадке села. Но платины и ваменшумный кельвет дри, — стройка продолжается под электрическими фонарями.

III

Восмокая неповоротливая гуча остановилась над селом. Гром упал на землю, аворвал тяжелеме листья тополя, и светлые волоаки дождевой косяк протянулись до лесков на том берегу Агачево.

У Кимсвятина Дорюфеева торопано хлопнула дверь. Промке шагн сгачился вниз по лестнице.

Четвертый день я живу в селе Стотинском, каждый день останавливаются тучи над селом, падают тучи, и вясний раз кто-то уходит от соседей Дорюфеевых. Я заинтересовался, почему соседи не сидят дома и дождь.

Агича Павлова, мать семейства Дорюфеевых, приветливо встретила меня.

— Коста дома нет, — видите, как опять рубит дождь... Мочяно ныиче, много Коста белой-ста.

— Как и всем конечно, — сказала я. — Досадо, дождь мешают часто.

— Но он приставел к этому, — ответная Агича Павлова, — ему приходится учитывать погоду.

Вечером Коста Дорюфеев сидел на подоконнике и говорил со мной, вынимя его глаза блестяще. Говорил он очень тихо, но о самых убедительных вещах. В дождь белае человек дождя, в ясное время — солнца. Эмоциями и поступками людей распоряжается облака и медленные шаковые тучи. Люди живут на земле, но земля болащя и ее не знали. Смотрел каждый день на солнце, как на струю лотерейного куляка. О местном, облаковому белащю земан создавались скваия, страные, как летиния неправдоподобность каменного века. Константин Дорюфеев уже двадцать лет, но он говоика о прошлом убедительно.

— Мы еще бесшумны,— грустно сказал он,— урвать гряды, колдун и оскалки. Но мы изучаем нашу местную климатическую обстановку уже в течение пяти лет. Пока это еще простая констатация наших производственных успехов и неудач. Но мы ведь помолот, если человек берет...

Его позвали с двумя деваками, одна из них была Ная Соловуров, секретарь ячейки. Константин Доросев ушел на совещание бюро ячейки, но доскавал о человеке, который настолько и жалко изучает мир беспрерывно для того, чтобы его изменить.

В журнале метеорологического наблюдательного пункта колхоза «Красная нива» я прочла следующую запись Доросева:

«В течение суток погода в районе села Стогинского такая с меняющейся облачностью и относительно длительными прояснениями. Местами наблюдались кратковременные осадки. В точке наблюдательного пункта их выпало за сутки 3 миллиметра. Прозрачность грунтовых вод плохая. Ветер имел завядное и северо-западное направление с силой порывов, до порывистого. Температура воздуха колебалась от +10 до +12 ночью и от +14 до +19 днем. Ввиду на погоду на предстоящие дни с утра длительная проясненность, постепенно переходящая в облачность; во второй половине дня возможны незначительные осадки. Температура, направление и сила ветра не предполагаю изменений.»

Затем мы осматривали метеорологическую будку с флюгером и дождемером. Визит стоял не у Шеня за коричневым липовым парком. За визиткой начинались зелеными квадратами посевы гречи, ржи, пшеницы и овса.

— Это хорошо, что туи вы берете на учет,— сказала я Доросеву.

Зеленая стена ржи покачивалась от ветра. Она распахнула свое дуновение нутро, и вышние, табуко последние глаза Кости заблестели...

IV

В селе была два трактора и воластые пралашины, усадьба колхозника Артеца, сплошная неграмотность населения, отчаянное безземелье еще более отчаянная нищета. Из семидесяти двух крестьянских хозяйств тридцать четыре не имели даже своей клочья, двадцать шесть обходились без коровы. Земельный надел петлялости трех хозяйств равнялся трем десяткам и даже меньше на каждое хозяйство в отдельности. Между тем сто екор десяти наши, восемьдесят пять взрослых дутов да отпрыск усадьбы до самой революции принадлежали Артецу.

Этим и исчерпывалась вся статистика акадулоу трахомного и годного села. Пролетарские дети Стогинского типично для десятков тысяч русских деревень и сел. Кабаки и чертошники, безземелье и неграмотность, да васькая в тощих, скудных ржках...

— Мой отец,— неожиданно сказала, вступившись, Костя Доросев, устанавливая на втрое удороже,— мой отец всю жизнь пахал и сел. Но от помер, так и не выдал ни разу, как растет пшеница на земле. Он почему-то думал, что это выпадает только господа в орнажирах и теплицах, под стеклом.

Далеко японскую розу можно вырастить на всякой земле при условии слабейшей почвы, чем это необходимо для питания растений. Об этом говорил еще сто лет назад покойный химик Либих.

Но это победоносное соединение научной мысли и человеческого труда стало возможным только на социалистической земле.

Готовят кинопередвижку и очередному сезону

Колхоз «Красная нива» уже несколько лет снимает урожай озимой пшеницы 28 ц. с га и уровой ржи—22 ц.

Здесь знали только овес и картофель.

Теперь же на черте пятдесяти восьмой параллели возникает советская Аргентина. Колхозник, потянувший эваторивальный пояс к самой акавде Ярославца, нуждался, разумеется, в совете, помощи и поддержке.

Эту помощь оказал ему пролетарский город.

В омоложении суглинков участвовали и токарь, и политехник, и автомолот, и химик, и партийный инструктор, и почвовед, и агроинженер.

Когда в окрестках Явельца тороплава весенняя вода на деревянный пол колхозного амбара падал тяжелые аляновые мешки. В мешках были химические удобрения. Здесь отично понимают, зачем и как использовать силу азота и фосфорного ангидрида, окиси калия, и селитры, и зольки.

Первая пятнадцатая провела в селе колхозный производственно-технический переворот, перевела сельское хозяйство с рельсов кустарного земледельчества на рельсы машинной оснащенности, на рельсы высокоорганизованного и планируемого производства.

В поале выхлывают новый человек, мастер уружя. Солнце уже не жалется ему фатальной стрелкой

При колхозе Стогинском круглый год работают детская площадка и детский сад

терейного уружя. Завлебая пахота, борьба с сорняками, минеральное удобрение, правильный севооборот, сортовые семена, протравливание, районной посея, лучшие почвы, систематическая борьба с вредителями, ранние сроки проведения посевных работ—все это становится неизменной традицией колхозного труда.

Высокий урожай уже не стоит в рвещающей зависимости от суглинков, сусевков, подзола, черземья. Он зависит от воли и умения человека работать на земле.

Современное сельскохозяйственное производство возможно развиваться без лабораторий и школ. Костя Доросев не ради простого любопытства изучает тайны света, ветра, осадков и температуры. В его занисках колхозники находят сведения о времени появления осадков, толщине снежного покровя, среднем сроке появления снетворозов и весеннего таяния поселедних снегов на полях.

В агрогическом кружке «Красная нива» колхозники изучают почвоведение. Картограмма на стене вечерней ШКМ, где занимается этот кружок, рассказывает о механическом, физическом и химическом строении почвы, о всех характеристических свойствах колхозных полей. Он, колхозник, знает, что физические свойства почвы выражаются: водонепроницаемость—1,59; влагоемкость—33,94; гидроускопчивая вода—1,83; поглотительная способность—15,32; перегной—гумусный слой—2,74; азот—0,14. Он, колхозник, знает, что механическое строение почвы выражается: камни и хрящ коруш; песок 3 мм.—0,49; песок от 3 до 0,25 мм.—0,13; крупная пыль от 0,25 до 0,01—61,79; мелкозем от

Стогинцы слушают радио во время обеденного перекура в поле

0,01 и мельче—18,88. Картограмма вооружает колхозника научным представлением о аеме. Этим выражается приход новой исторической эпохи земледелия. И человек, отбросивший лишние-высокооплачиватели, осуществляющий беспощадную борьбу с же алаучечками—жуками и дельтиками, став впервые в отношении к аеме с непреклонной волей единственного владельца и с пламенным неутомимым сердцем мастера.

V

Желтая рябина лежит на острых старушечьих коленах. Варвара Явельцова упирает фартук своему стирному. Фольговые чистые ее глаза несколько тусклые и потемневшие алаучей. Алаур Осипович Катасов, старейший организатор колхоза «Красная нива», вазованно повторяет:

— Глупо, да старая, глупо!

— Не мешает,—самшла я, как отучала старую Варвару Явельцова,— горит и твой горит.

Когда я вошла в комнату, стирная савала со стула, в углу дымилась фатал потухший алаучей. За большим цветом висела единственная, величюной со спичечный коробок, багряная икона. За цветами и яркими картинками и множеством вельских своей позвонившей вещей небольшая багряная обложка казалась совершенно незаметной.

Варвара Явельцова раздраженно смотрела в сторону.

— Нет, этому я полую конец.—убежденно проговорила Алаур Осипович.—Вот придет Яна, мы ее возмем в работу.

Мне захотелось помочь Алауру Осиповичу отделиться от раздражения и злого самочувствия. Я спросил:

— Так осенью исполнится колхозу десять лет?

— Десять,—милостно посмотрела на меня Алаур Осипович.—Вот я и хотел бы у своей старухи в этой осени рассяять ее аур.

Мы заговорили о колхозе и пропали в парк. Наше собеседование доводилось обремененное несчисленным множеством того, что выросло в селе за первое десятилетие колхоза.

Было ли это вообще село? Было ли Стогинское деревней? Где проходила грань между этой деревней и городом? Вель здесь был и телефон, и больница, и радио, и газета, и каминные мистовые. Мы пропали мимо свиноводческой фермы, на которую уже второй алаукростратия подвала волю камерному, и вышла к кирпичному заводу в поле.

Колхоз имеет парниковое хозяйство, город, молочно-маслозавод, дизельную механику, аэстро-станцию. Он обвасился множеством вспомогательных хозяйственных предприятий. Сапоги и уружя колхоз чинит в своей сапожно-шорной мастерской, машины и орудия—в саесарно-механической и кузнечной. «Красная нива» располагает полным комплектом современных сельскохозяйственных орудий и машин. Нет только своего автомобиля. При колхозе круглый год работают столовая, детская площадка, детский сад, имеется своя баян-прачечная.

Старик Алаур Осипович Катасов живет в каменном доме под железной крышей. Я знала, что этот дом принадлежала когда-то трактористке Алинске Осипиной, и сказала об этом старухе.

— Савла,— путь ододела у тебя, старик.

— Он водитруга и алаучил меня своей вельской бородой.

— Как четство колхозника-коленю.

Путь Катасова—это путь миллионно колхозников наших сел и деревень. Колхозный путь сел Стогинского—путь каждого сел в социалистической стране.

ТЕАТР ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ

Во Франции он называется ФТОФ, в Чехии — ДДОЧ, в Японии — КОИФ, в Англии — WTM, в целом он называется Театральной рабочей интернационалом.

Появляясь, ничто не остается так прочно в памяти от Международной олимпиады самодельщиков, как это чувство интернационала.

Громкое слово «интернационал» — во весь земной шар. Но и кино есть, когда в одно заголовое окно японского под тринадцатилетнего Ленинградского поэта сразу проносится на встречу московским рукам товарищ Германия, товарищ Голландия, товарищ Швейцария и товарищ Беларусь.

«Славо!» — здороваются французы, «Праци чести!» — бьют чехи, «Сани байна!» — говорят монголы, «Хуа ду ю дуб» — отключается лондонцев, двумя выстрелами «Фот фронт» салютует немец. Бьются писала о вавилонской смесительной язычке, которое разделило людей. Здесь смешение языков людям не мешает. Особенно занятию наблюдать, как сражаются между собой группы советские и зарубежные.

Урядникам в белых пинтах с отогнутыми воротами сорочек сидят в притирку с голландцами, и быстро голландец осматривает, что значит «на большой палец с присвиной» и говорит «юо». Общине, которое идет вперед языковых барьеров, открываются особенно сильно взаимопонимание делегатов. Есть уже слова, понятные всем. Произнесите «Мингустрой» или «Буденный», и все аудудит одобрятельно. Скажите «куло», и все историлось, засмеялось.

Сейчас в мире спорят изобретатели «близков» — упрощенных языков. «Базик инглиш» состоит из 800 слов и хочет стать международным языком. Но и в противовес создается «близик розен», а в спор вмешивается «близик славян».

Приветствуя олимпиаду, пытаюсь говорить, чтоб доходить без переводчицы:

— Театр. Бурува. Примадона. Кака. Бенефис.

— Но...

— Театр. Пролетарий. Агитпробригада. (Полания.) Митинг. (Январь.) Месса. Революция. Коммуна.

— Понял?

— А почему это так? А потому, что:

Кантала. Доллар. Кривиз. Поания. Фашин. Война — три — три — три — (в сомнении, для выйки не нашлось слова в близике и пришлось ее назвать национальным именем).

— Но...

— Простарьят. Ленин. Бельшьян. Провала. Совет. Паросет. Мадри. Бельшиг. Гельман. Интернациона. Сталин. Пятилетка. Днепрострой. Колхоз. Ударник. Социализм.

Бельгийская агитгруппа показывает сцену из постановки «Забастовка в Борнеле»

Есть у нас такие любители всего аграрного, которые, увидев приехавшего к ним иностранца, немедленно хватают его и начинают цурить его гаустку, мули, брюки, пестрятинку, обронившуюся на рекламных журналах, повсюдуходя из жизни кинокашав.

Таким любителям в фойе Мюзон-зола, где мы просмотрели олимпиаду, сказала мне несколько разочарованно:

— А ведь от аграрнички театров можно было ожидать большего.

Поймав мой недоуменный взгляд, он поспешно отворочил:

— Я конечно не говорю о французской труппе «Октябрь» и о немецкой группе танцовщиц и датчан...

Недоуравнение выяснилось быстро: мой собеседник был убежден, что из-за явного сдвигания профессиональные труппы составятся в своем искусстве. Для него оказалось новость, что 75 селянских — это простария и только один треть — сажуащие, интеллигент и профессиональные артисты.

Руководителем чехов был транспортник, токацкий тележку по улицам Праги. Голландия привела группу, да ей имя голландского «бронированного Петеликина» — Семь провинций. Голландия привела свою внутреннюю олимпиаду, чтобы из всех групп отобрать лучших. Среди них — одна машинистка, одна домохозяйка (жена рабочего) и один изумитель. Остальные — рабочие и работницы. Одна из них рассказывала:

— 18 лет мать меня продавала в замужество за пародного кока, подголландца, полуамериканца. Истинный человек, ограниченный. Правилась с теми коммунистами, а ты коммунисту арг. И ушла от него, забрав обонь ребят. Жить несвертимо трудно. Работая в двух местах, причем в одном месте только за нищу. Театральную работу любил и мечтал: то бы у нас в Москве открылась театральная школа и можно было бы в нее прехать хоть на полгода, чтобы подучиться как следует.

И действительно, на сцене она — очно, четкая, стремительная, прекраснейшая артистка для театра.

А ручной монголов еще несколько лет тому назад была аратор — кочевым папастом.

Суть олимпиады даже не в том, что она нам показала разворот достижений. Она нам продемонстрировала громаднейший разворот возможностей.

Самодельное рабочее театральное движение за рубежом возникло в авантюриной мере стихийно, но потребовалось и время, и средства, что оно в короткие сроки достигло громадного расцвета. Агитпрогруппы в Германии и Франции — в такой ошанной силой для буржуазной государственности, что их запретная еще задолго до фашистского переворота.

Помню 1 мая 1931 г. в Берлине. Уже отошла дневная демонстрация коммунистов из Люксембурга, буквально противившаяся всякому угрожающему шеренги шумунов в лавированных плакатах, лондонских автомобилей и конных стражников, началось вечернее митинги в залах, где на стенах висят гигантские лица Карла, Розы и Ленина.

Агитпрогруппам был

запрещено издавать, но ожидалось, что они сумеют переиграть аяпер. Публика напряженно ждала. Полудеиские у входов нервничали. Наконец — ошеломительная программа: «Агитпрогруппы тактараторизируют акцию, ведущие в зал. Открываются занавес, в примычных синих блузах стон шеренга агитпрогруппы. Что они сделают? Запоют? Заговет речевку? Разыграют пантомиму? Но тогда разлет и свалда неминуемы. Шеренга молчит, из ее рядов выходит один, пододвиг к рампе и начинает речь. Он говорит, что агитпрогруппы запрещены, но рабочее движение живет и запрещает его не задушить. Он кончает свою речь:

... Сейчас будет испанско, смотрите внимательно...

Задача агитпрогруппы — поддуть революционную энергию класса, научить простария ненавидеть врагов своих и смеяться над ними. Но разве для этого обязательно надо представлять? Здесь есть люди, жаждущие только одного движения, только одного слова, чтоб заискрились в светлости. Они этого удомствания не получают. И все-таки агитпрогруппа вступила.

Зал аплодирует. За хочется, повернувшись к шумуновым. В их присутствии запрещенная агитпрогруппа провела немую сценку, но менее слабую, чем мечт.

Тов. Германия т. Швейцария и т. Голландия

Иан взять Чехию, страну необычайной мощности самодельного движения. Союз рабочих театральных групп ДДОЧ рассчитывает там до 10 тыс. человек. И это очно важно, ДДОЧ имеет большое влияние внутри социал-демократических любительских трупп.

Так создается тезопозиция, аналогичная японской.

Японский режиссер Хидзидзи рассказывает, как готовился к поезде на олимпиаду ассоциация японских театральных культурных организаций КОПФ, мощная и остро ненавидимая властями. Ей не удалось послать на олимпиаду ни одного человека. Поездка смельчаков грозна бошшим бедлам оставившимся.

А вот страна, которая никогда не имела театра, Монголия. Все ее аржанство ограничивалась пасьяком и церемониями ламантского праздника «чам». Три года тому назад иероглифический человек стал создавать этот театр из ничего, и сейчас этот театр, если отбросить интракультурную виновность сцен и взаимную всамделишность драк, потосвоков и церемониялов, уже может похвасть активными четкой походкой, большого света и великой самостоятельной речи.

И хочется их поставить в пример шоревской группе, которая робко-робко, более шельмутьем ручной чрезмерно, более слово сказать чужд погромче, копирует длинные психологические спектакли абсисового поюра.

Показы олимпиады нельзя было смотреть, не представляя себе одновременно той обстановки, в которой группам работав.

ДВЕ ВЫСТАВКИ: „Художники РСФСР за 15 лет“, „Пятнадцать лет РККА“

ГЕРАСИМОВ—Доклад т. Сталина на XVI партсъезде

БОГОРОДСКИЙ—Отец и сын

САМОХВАЛОВ—Девушка в футболке

КОМАРОВ—Ворошиловский субботник на Днепро-
строве

КУЗНЕЦОВ—Пушоб

АНТОНОВ—Любовь

Выставки наступают—тревожно сообщают газеты Запада. «10,671 чел. побывала в первые четыре дня в живописном разделе выставки» — информирует московская газета «Советское искусство». Живописный раздел выставки «Художники РСФСР за 15 лет» занимает шестидцать зал Исторического музея. А вся выставка не уместилась бы ни в одном, даже самом большом помещении Москвы или Ленинграда. Она распололась по трем музеям Москвы: живопись — в Историческом, скульптура — в Музее изобразительного искусства, плакат и книжнатура — в Цетрлодковке. Но и это еще не все. Одновременно с этой выставкой открывается вторая, специально посвященная пятидесятилетию Рабоче-крестьянской красной армии. Там собраны полотна, бронза, гранит, текстиль, изделия кустарей Плавца и Мстеры—все виды изобразительного искусства, тракующие военную тему. Можно дальше указать, что на одну выставку

«Художники РСФСР за 15 лет» было представлено свыше 3 тыс. картин и этюдов, из которых колоссальн отобразил 950, что эта выставка обогнала около 300 мастеров, а красноармейская—400 и т. д.

Эти количественные показатели чрезвычайно интересны при сопоставлении с тем, что сообщают буржуазные газеты об опустении выставок, закрытии художественных школ и нищете крупнейших мастеров кисти.

Но еще более интересна качественная сторона наших выставок.

Изобразительное искусство уже запечатлело для потомка важнейшие образы нашего времени — образы Ленина и Сталина. Старые мастера Бродский и Грабарь дали изображение Ленина в Смольном: Ленин у телеграфного аппарата, Ленин за составлением первых декретов советского правительства. Вторыми выставками замечательные живописки и скульптурные этюды с Ленина, сделанные покойным скульптором Н. Андреевым. На

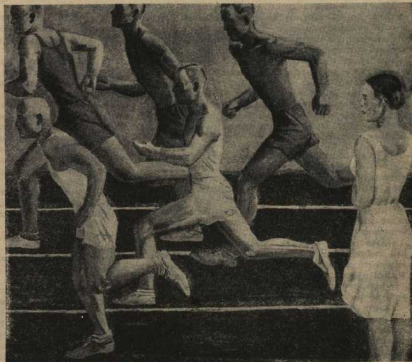

КОСМИН—Портрет т. А. Бубнова

ГРАБАРЬ—Левин в Смольном у прямого провода

Внизу: КОНЧАЛОВСКИЙ—Пушкин дома. Справа сверху: ДЕЙНЕКА—Бег.
Снизу: КУКРЫНИНСЫ—Врангель.

Картины ГЕРАСИМОВА, ГРАБАРЯ, ДЕЙНЕКА, КУКРЫНИНСОВ—на выставке «Пятидесят лет РККА».

Картины БОГОРОДСКОГО, САМОХВАЛОВА, КОМАРОВА, КУЗНЕЦОВА, АНТОНОВА, КОСМИНА, КОНЧАЛОВСКОГО—на выставке «Художники РСФСР за 15 лет».

выставке «Пятидесят лет РККА» мы видим Сталина, выступающего на XVI партийном съезде. Картина удаётся художнику А. Герасимову, он намечает подлинный образ любимого вождя.

Мы видим, как перестраиваются крупнейшие старшие художники—Юон, Грабарь, Кончаловский, Богавский, Касаткин, Кустодиев, Лаврере, Крымов и другие, как они, продолжая мастерски разрабатывать старую тематику, уже начинают подходить к новой. Мы видим трудности этого периода. Выставка показывает, что старшие мастера уже по-настоящему осознают новые творческие задачи и уже находят пути для их разрешения.

Индустриальные полотна Котова, Ахтя, Добрынина и других с их нагромождением производственных деталей напоминают первые рыхлые очерки советских писателей о Днепрострое и Магнитострое.

Но уже молодые художники Дейнека, Рейский, Богородский, Антонюк, Павлов и другие преодоле-

вают поверхностное отношение к материалу, подобно тому, как Панферов и Ставский перекарамливали своими книгами поверхностные очерки о колхозах.

Рейский мог бы набросать несколько саначных плетей, расставить фигуры работающих людей, машин и т. д. Но нет. Художник идет по более трудному пути. Крупным планом дает он фигуру колхозницы-бригадирши. В той товарищеской простоте и в то же время огромной серьезности, с которой его бригадирша отстает распоряжение члену своей бригады, в настроенном лице колхозницы, уже виден образ новой действительности, а не только «записовка с натуры».

Это же качество педальной глубины, проникновения в суть действительности мы видим и в радостных светлых работах Дейнеки с его здоровой любовью к человеческому телу, присущей молодой кавказу. Мы видим это качество и в остроте, логичности Кукрыникова. «Смех» еще вернется к обьём выставкам.

В. ШКЛОВСКИЙ

Шото С. Травяного

ДЕВЧОНКА С ПЬ

Касьян — писатель совсем молодой. Родился в 1905 г. в слободе Покровской, в семье врача.

Первый раз были напечатаны его письма в «Саратовских известиях» в 1923 г. В 1927 г. Касьян сделался московским корреспондентом «Правды Востока» и «Советской Сибири». В это же время были помещены в «Новом мире» первые отзывы повести «Кондуит».

Вскоре после этого Касьян начал работать в «Известиях ВЦИК» и писать фельетоны. «Кондуит» — автобиографическая книжка о конце гимназии.

Кондуитом называлась шутка, куда записывались все поступки и все поступки гимназистов.

Правда было так много исподвздошья их обустраивать, что кондуит обращался в своеобразный дневник гимназии.

Повесть «Кондуит» издавалась несколько раз, она хороша читается.

В ней описывается не только жизнь, но и крушение кондуита; Февральская революция и ее отражение в гимназии.

В ней рассказывается о том, как кончалась в гимназии самодержавие смешно. И как гимназия после этого все-таки хотела продолжаться по старому.

Рассуждения дана вся через гимназию и через семью.

Маму избирают советом депутатов от дамского кружка, папа — товарищем председателя новой думы, и папа с мамой в совете.

Гимназия старается сохранить свое споруду, историю рассказывает об Юстиняне Великом, а в городе идет костюмный завод, кричат синтет в дело, пост дамского туалета ассольман...

Кондуит слагается.

Сравнительно с более поздними работами Касьяна «Кондуит» — книга хорошая, но жидкая и несколько абстрактная. В ней еще чувствуется речь тондита, и побоям одерживаются слишком в жестком масштабе.

После «Кондуита» Касьян работал в детской художественной литературе. Есть у него книжка «Планетарий» и есть книжка «Лодка-ведлоход», обе издааны «Молодой гвардией».

Это было время (писалась книжка для того же музея), когда увлекались хорошо смонтированными фальсифицированными картинками с большими и несомненными иллюстрациями.

«Планетарий» — книжка умелая, но планетарий сам создается для того, чтобы объяснить законам звездного неба, а книжка Касьян рассказывает только про планетарий, но неба она не достигает.

«Лодка-ведлоход» — это почти альбом картинок, но по этой книжке, как устроен галсесор, собрать можно.

Еще до этого Касьян написал очень плохую книгу «Кладовая», в которой и хорошую книжку для детей о цепенниках.

Интереснее всех этих книг касьянские фельетоны, которые он печатал в «Известиях». Например фельетон Касьян «Од в минуту горлозид интереснее его книги о планетарии. В книге пропала касьянская затея — описать планетарий, как сооружение неба, и поэтому еще воздуха вокруг планетария.

Хороший фельетон у Касьяна «Звездоплаватель и звездолет» о Циолковском повествует, как может писатель-журналист так такую тему, как юбилей.

Касьян описал звездолетателя в противоречии его изобретениям, описал то, что «дух человечества к звездам летит через Калугу».

Почти все фельетоны Касьяна написаны весело, полнок, конкретнее. Сейчас он этим словом овладевает, написав книжку «Швамбрания».

Был хороший писатель Александр Грин. Никогда много романы, действия которых происходят в Зурбагане.

В Зурбагане ходят шарские корабли, книги попадают в интересные приключения.

В Зурбагане можно даже ходить по воде. В Зурбагане есть люди, которые летают по воздуху.

В большинстве книг Грина Зурбаган реалистичен.

Это — та страна, куда улетали ношши. Это — та Америка, в которую стремились мальчики, хотевшие стать юнгями.

В Зурбагане люди сводились и горды. В Зурбагане люди молчали.

А сам Грин родился в Вятке, в бедной семье. Плавая в Зурбагане он научился по книгам. В Вятке было очень скучно.

Грин фантастически писал. Но он не умел ни видеть, ни догадываться. Он сам писал: «Картинки для скансвания домиков и зданий во множестве были перепорочены мной, так как, интересуюсь множеством вещей, за все затвердевшее, ничего не доводя до конца, будущи недовольна, страшен и небрежен, и ни в чем не достигла совершенства, всегда метками возмещаю недостатки своей работы».

В той же книге Грин говорит: «Не смотря на мою действительную заботу и олоде, у меня никогда не было должной строгости и терпения свирядиться как следует. Я гаска порох в аптекарской склянке, отсылая его на лодочку при жарении на-глаз, без морки; дробь аскала в кармане, часто одна и тот же номер на всякую дичь, например котушки № 5 шес и по кулану и по вербобинной став или, наоборот, мелкий, как мак. Но 6 лет в утку, только обильная ес, но не свлаивая».

И вот тогда особенно чувствовалась прелесть книг с раскрашенными картинками, где все выходит так легко...

Л. Касьян напечатал книжку «Швамбрания», повесть с картинками, гербом и флагом.

«Эта повесть о том, как два мальчика приуменьше себе страну и жили в этой стране.

«Эта страна — родственница гринговскому Зурбагану.

«Эта страна, сделанная от невозможности жить в городе Покровске или в городе Вятке.

«Эта страна создана людьми, которые, как Грин, не умели делать вещей.

Касьян молодой мальчик Грин и понимает больше в продолжении своей страны, что мальчик, который заботился самому мастерице нужные вещи. Но старые книги и учителя, воулучше повестуя о королевских героях, ничего не сообщая о людях, делающих вещи. И из нас растут как блудные, беспомощные и нечеловечески, как чужденцы кисти чистополов — люди чистого умственного труда. Правда, иногда нам делают кубики и кирпичики и предлагают создавать художеские подобия машины. Энергия искала выход. Мы вынуждены были пружины диванов, изучая остинские строения вещей, и изучали огулентальные нагония».

Люди, не умеющие делать вещей, люди со связанными руками, дети в семьях слугающих, а связанным врачам, вынужденным страной.

«Из этих детей создавалась особая литература. Есть английская книжка, которую у нас переводили. Называется она «Анса в Зеркальери».

Девочка заехала в потужеральный мир. Там она становится то кералом, то вендланом. Везде она — потужеральный человек.

Именно книги тридцать лет тому назад, детские книги. Мы дети, читали их завоем.

Мы уходили в книгу, как под лед. Жила в ней, как в Зеркальери. Читала на урагах. Выходила от стинского слова.

Мы начинали с «Лорда Фаулстона» и с «Семьи мудрых шарлопов» и с «Робинзона Крузо», переходили к индейкам и шли дальше с Зеркальери ланды к Дому.

«Эта была мир перепуточки и наоборотности. Отплатные в это море описывается Касьяном с иронической априорной:

«Пароходы отбывали. Поход начался.

«Пешите, — сказала царь.

«Земляра полым жодом. Флаги пиншо развезены. Вперед всех шел «Вренбор».

Страна, в которой наливает дараход, называется «Знаменитые геросы».

В ней перепутаны знакомые образы людей вне времени и сюжета.

Так иногда плали книги Касьяна.

Написан он увлекательно, и читал, сам отлаившись в эти страны и, как нечеловечный мальчик, радуется тому, что вечером был замат.

Второй план перепуточки состоит в том, что мир Зурбагана у молодого Касьяна рухнет.

Анса выходит из-за зеркала.

В мир происходит такое интересное дело, что Швамбрания бласнет и становится нонстрасовой.

«Эта интересная романтика, а может быть и миссенсес е качества.

Касьян

Переутомленный мир с переутомленными словами, мир, где выдумщики смешаны с удивительно — не выдумщиками современности революция. Касьян выводит читателя из этого мира.

Без разочарования переходит человек из мира Грина в мир Горького.

«Это — очень молодая книга, такая молодая, что конец ее написан лучше, чем начало, такая молодая, что в ней есть смешное, в ней есть провинциальность, есть красивые чернила, которыми правлены детские рисунки, есть гоубая Дина, которая разрушает малянов.

«Гадки» — сказала она, раздвигая занавески. Я унесла золотую раму. В нее был вправлен чудесно изготовленный ночной зиний ландшафт. Гоубое молото лавы заливая паразоку. Отлично был спонсирован покровение амбары. Стройная молодого города посподы претупанной глагоди.

В крохотных домах горели красивые огоньки.

«Пожоже?» — спросила Кавалдин.

«Очень» — сказала — «Только красивые гораздо, чем в действительности... Кто это сделал?»

«Дина это сделала» — смеялся Кавалдин. — Тебе обязательно показать велама, Гадки...

Вадру я узнала, что через панораму движется миниатюрный авиозвончик... В ту же минуту гурчущая ночь отступила назад. Перспектива утлаблялась. Амбары обрели нормальные масштабы. И пошла, что никакой панорамы нет. Рама была вставлена в большое окно. Оно вышло на площадку Покровске. Туземный действительности пах на Швамбранию. Швамбрания почти ускользала у меня из-под ног. Но в эту минуту я услышала обильный смех. И оглушила. Дина стояла за мной в толпе ребят.

«Ну что?» — сказала Дина. — Значит тебе, вылетит, вылетит, вылетит, вылетит? Тогда и Покровск в Швамбранию превращается. Эх ты!»

Касьян в своей книге еще не поворачивает с Швамбрание окончательно. Он слышим приваля к коммюнистическому миру, е порожнению. Он слышим частично амисстривать в городице Швамбрания за их мнимую давность.

Но страна Швамбрания живет и для сегодняшних детей. Швамбрания нужен и им, он выведет их из нее. И чтобы хорошо выловить эту задачу, Касьян должен сам более глубоко и музественно отпернуть Швамбранию.

Ошибкой книги являются такие впадения: «И не выследи. Они узнаются и узнают шают ценность книги».

Но это — очень простая чистка для второго издания.

Книга написана превосходным языком, твизи языком, который не замечает. Она не возбуждает вопроса о стиле, стили в ней растворены, подчинены общим законам книги. Это легкость стили, его служебность может быть поучены Касьяном в наследство от волшебной страны, где умел писать легко, потому что не думал о самом слове.

В книге Касьяна один человек спрашивает у героя книги: «Как пройти в Швамбранию?». Герой осматривается, человек спрашивает, как пройти в штаб армии.

И прочитав книгу Касьяна, можно спросить: как уйти из Швамбрания в действительную страну, где делают вещи и где так интересно?

ПЧЕЛОВОД БЕЗ БОРОДЫ

Саша поставил завязанные скатертью ведра. Шарфовое облако надвинулось на солнце. На землю свалилась косяя тень.

Саша навалился к отверстию улья и внимательно глядел, полузаирив газды. Тень облака скатилась на лужок за садом, и острый луч солнца вошел в летнюю подножку. Саша открыл глаза и насторожился.

Первые пчелы вылетают на площадку медленно и сонно. Озаряясь, она раскаивается по дощечке, все время пятясь назад, взлетает, бесшумно, словно паутина, спускается опять на подножку и снова поднимается в воздух. Путь ее с каждым новым взлетом становится длинней. Наконец пчела пролает улитку в себе. Память ее испытана разумной тренировкой. Коротким взлетом она поднимается над ульем и высматривает, как потеснилась пчела. В это время летная площадка уже покрыта тысячами новых тренирующихся пчел...

Впервые пчела летит по прямой линии, летит прямо. Она улетывает с воздуха растения, пачуется медом и смолкой впитывает воду, козлы, дуга. Путь в воздухе после зимнего квартирования она прокладывает в течение нескольких часов. Прилетает порожником с разведки, пчела садится отдохнуть на летнюю подножку и восстанавливает в памяти основное пространство. Теперь она не замечает ни точкой, ни тесноты, ни гула упорно тренирующихся своих подруг. Наконец со звоном правильно поставленной струны пчела вылетает вперед и молниеносно исчезает в воздухе...

И тогда шире открывается Саша отверстие летки, чтобы свободнее вливал пчелам в носей.

Улья, похожие на товарные вагоны, были расставлены, как расставлены разнообразные поезда на станциях конечных остановок. Но оплетенная дождик. С севера потекли серые, вымочкавшие весенней грязью тучи.

В ульях, как это было установлено Сашей, пчелам нехватало пиди. Он забил тревогу. Он два дня висел на телефоне, договариваясь с Ярославским пчеловодством. Он писал в газету «Голос колхозников» и в секцию РКН. Он наконец съездил в районный комитет комсомола, откуда вернулся на рассвете.

Возвращаясь в свое село, Саша смотрел на желтые, равные от холодов луга в голые ветви аблавы, как победителя. Затаившиеся весенние холода угрожали пчелам гибелью. Пчел могло спасти подкармливание сахаром. И этот сахар был получен Сашей!

В корчичевом липовом парке недостаточно света. На горе пчелам будет слишком знойно и шумно. Пчелам, оказывается, любят тишину. К ульям же у окмашника угрожающе близко по-

ступает замугороженный, словно забавлявший, пруд. Дальность лета со взяткой, сырость, теснота и суматоха снижают производительность пчелам. Шестнадцать тысяч молодых семей колозла «ХП Октябрь» нужно разместить поближе к местам медосбора, там, где в меру влажность, сухость воздуха и тишина. Наконец во время цветения медонос пчелам должна находиться непосредственно на месте взятки.

Саша впервые ставил вопрос о том, чтобы пчелам входило на время медосбора и в аблаво-вом саду, и на клеридный, и на молочно-пестрый посевы гречи. Все дело—как организовать работу пчелам. Но об этом Саша не хотел говорить теоретически. С Дмитрием Николаевичем, редактором «Жизни», чтобы редактор колозольной многотиражки поставил в газете этот вопрос на широкое обсуждение. И редактор согласился.

Саша передал ему статью, уже написанную для газеты. Они шли на ступеньку крыльца, редактор стал читать. Статья не была длинной, она коротко перечисляла лишь основные требования приближения пчелам к местам медосбора. Находясь непосредственно на месте взятки, пчелам увеличатся сбор меда в два-три раза. Единственный пчеловод не имел возможности разставить ульи непосредственно в поле. Эта возможность открывалась только перед колозольной пчелой.

Пчелам выделают воск в виде маленьких агстинов из брошенных комод и лишь потом выкашивают мягкую опору подножку. Пчеловодный опыт комсомольца Александра Ковалева тоже складывался мучительными и радостными трудностями. История рождения пчелам в колозде «ХП Октябрь» (Ярославский район)—это история славной молодости, повесть об его отчаянии и радости, о всегда тревожном агстве и революционном росте человека.

Двадцать восемь ульев, желтых, коричневых и темных, четыре года назад были привезены в сад на длинных растущих телегах. Ульи были вахты у расклевывающего дерюжного старости Абрисова.

— Нужно было, видишь, привозить сюда, — прощала один вечник.—У них, как-ник, и старикосте нет телеги.

Саша стоял неподвижно. Вечник долго еще курил, сидя на телеге. Потом стали подходить колозольники. Вечером Саша сидел в своей ячичке. Он не отказывался от порученной ему работы. Он говорил только, что пчелам нужно жить под особым наблюдением всего колозда. Старик решительно отказывался заниматься пчеловодством.

Саше казалось, что все покинуто им. Проходя мимо сада, колозольники даже не останавливались, чтобы узнать, как идут дела на пчелам. Они не хотели смущать молодого пчеловода. Но Саша этого не знал.

Теперь пчелам не замечает ни точкой, ни тесноты. Вышла, уютность и величавая медлительность в длинных рабочих пчел носила. В ульях началось гранное обочение, сентиментальность и припринцип, отчаянное скланичество. Все чаще стали всплывать беспорядки, и темные тироды трупики пчел уже по целым дням не убирались с неприбранного, замугороженного пола. Саша устыдился своего малодушия.

Он даже попенделка и стал забриве в эти дни. На больших ячичках выходящих молодых маток, свободоного претендента—предводительницы, когда в улье валуется еще старая, пользующаяся авторитетом матка, могла подняться смертоубийство и войну... Поворонительница-пчелам это знало и горько молодых ироронившихся вальстельте в пачу. Но паленная пчела не скрывает своего не удовольствия и начинает громко очаровательно трубить в тесной молодой темнице. Неукротимая королева вызывает беспорядок у старой предводительницы и козлыки. Рабочие пчелам начинают кобачиться, громко обсуждают наступление решительного, важного момента, рабываются на парти. Старые пчелам окружают своего सदоегощего молодого колозла—ступают силой в молодой темнице. Беспокойство нарастает все сильнее.

Трудовая деятельность замерла. Порядок в улье омыкательно-исчез. Саша видел, что настало время роения.

Глухой зарыв внутри пчелного дома вставили соорудитесь Сашу. Он еще не успел прийти в себя, как из улья, как яростная струя воды, с шумом выливалось что-то черное. По лавкам Саша, державшая височный сачок, пролезла мороз. Саша поднял голову.

Пленный рой, похлони на темновоме облачке, расклевывая в воздухе. На ветке поше платный лужок, величиной с кулак. Через минуту зеленые и бронзовые ветки, словно запыленные, под черной омычной радостью оспенных пчел. Саша зачернул сачком комок, внутри которого, как сердце в грудной клетке, трепетала матка, и стряхнул в порожний улей ульи.

Пчелам появлялся в новой квартире и лично представлялись молодые предводительницы. Расплавившиеся моргачевые ножки, поднимая вверх бровки, пчелам рекомендовались матке и с особенным миролюбием—стремим привествовать ее крыльями. Церемония приема и вручения в новое сотрудничество закончилась.

Пчелам дружно принался за струю. Первая шестигранная ячичка заблестела на уголке подножки, как вечерняя лучшая звезда.

Борда обаялась неизбежной для пчеловодства. Саша в совершенстве овладел мудрым тайнами своего мастерства. Пчелам стала торжество колозла. Ее признали лучшей и обидчивой пчелой. О Саше Ковалева писали областные и районные газеты.

К осени прошлого года было уже шестнадцать восемь действующих ульев. Пчелам дала колозла чистого колозла больше чем пятидесяти пачек рублей Колозольник сам своей мед, его распределил по 20 граммам на каждой трудолице.

Не будьте молодыми стариками!

ПРЕДОВОЙ БЕЗ БОЯКОСТИ

„Не будьте молодыми стариками, не сидите в помещениях, в кабинетах идите на стадионы, в купальни, парки—будьте вместе с молодежью“.

(Из доклада А. Косарева на пленуме Ленинградского обкома)

Ичяковый „старичок“.— Стойте! Надо утвердить резолюцию!

САМОУЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВ

Необходимо руководство ввиду отсутствия всякого руководителя

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нам думается, что надобность в подобном самоучителе давно назрела. Буржуазия проходила искусство «гражданин телодвижений» в так называемых «тандраласках».

У нас тандраласковые методы обучения не существуют.

Наши тандромы танцуют главным образом от печки или от парового отопителя.

Однажды в летнее время тандрование проходило под открытым небом — на аулках и в парках, на всякого рода площадках, где печи правили благоустройства не предусотренили.

Нередко между танцующими парами возникало дискуссию.

— Ребята, вы слышите «Броку» один я по улце, а утеркаете, что это падекатр.

— А мы вот никогда не видали, чтобы ту-стен в присядку жарили!

За разъяснением сомнений тандровальной этики обращались к секретарю комсомольской ячейки.

Секретарь ятейки в ответ на запрос истощенный доводил до сведения спрашивающих.

— Я, конечно, перегружен... меня, конечно, в центр вываляли... но вы, конечно, ребята, подайте заявку на очередном собрании райкома.

Неудовлетворенные бюрократизмом и волюнтаризмом секретаря, танцующие размышляют завукабум.

— Мы вот хотим падекатра... как его, товарищ завукаб, утеркаивать? с присядкой или ту-стенным порядком?

Завукабум, пожевывая, мямлит:

— Это вообще, ребята, в мою смету не входит! Мы еще в позавчерашний месец ее перерабатывали. Придется заказать на воздушную плату!

Известно, что завукабум большей частью рассчитывают на «особенно» от клубных посетителей.

Предлагом же сами ПОСОБИЕ имеет чисто моральное значение... некто из «управляющих» культуры и отдалком молодой может извлечь из него и некоторые материальные выгоды для своего предприятия.

Если за морс или за карамельку вынуждают с посетителя тройную против себестоимости цену, то мы постараемся, чтобы наш самоучитель не стоял и медного гроша.

Эта «НИЧЕГО СЕБЕСТОИМОСТЬ» должна, по нашему

БОРИС МАНАРОВ

Он чистил конюшню. Скрипела доска
Под лапой зарывающейся вилы.
Он свесил в каловую воду натакала,
И выскочил в асам лабыла.
Прондуравившись, конюх смотрел за реку,
Где стая отводящихи демо!
«В конюшне осталась все жить, старик,
в навозе, траве и воде!»
Когда за рекою заря догорит,
прядает, гамона на селе,
услыде лошади и плагури,
седме от вылаи болот.
И хитрый Сарваска заржет на доуд:
«Я голый, слышишь, старик!»
Старик приготовил витьте и луу,
Он может с конюх легкоду.

иненно, внести перестройку в область утесалительной клубной акронимии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

У них это сложная ноющая гимнастика называется баом.

У нас это несложное «МАССОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ» называется танцуалью.

Танцы без музыки исполняют только сумасшедшие.

Никто (буржуазия) нашими напикам особенно для своих потюков воспитательству — «искусство музыкаль», замешенную последствием патефона, играющим, поющим и разговаривающим на любых языках.

У нас массовики не догадываются приобрести патефон и почему-то тупею размышляют баписта, у которого глаза либо жалобно скрипят, либо с тяжелой одышкой и напряжением вырываются скорбные звуки «споробич», играемой для большего шикса и мноре.

Танцы для буржуазии при ее сидячей жизни являлись единственным физическим трудом.

Для нас танцы — труд умственный. Мы вынуждены из-за отсутствия тандраласки и «универсальных» немом основать тандровальную кукурику в процессе самого танца.

Разве хоть раз мы проработали с тандротным десятком антрача, гласисдам, ретюбке, баласе, которыми усмыла путь кажето танцующего?

Иногда танцующий и не подозревает, что он продает питевое ретюбке и дилетный баласе, и улетит он просто исплетот от воздуха.

Надо сказать, что согласно статистическому учету мы насчитываем почти вдвое больше, чем годов... поэтому наша доубоуслуживания мы должны удельств самое широкое мышление.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Для того, чтобы вполне освоить технику танца, нужно изучить ЧЕТЫРЕ ПОЗИЦИИ.

1-я ПОЗИЦИЯ заключается в том, что танцующий сводит обе ноги так, чтобы носки своего ступни в разные стороны. Нам приходится наблюдать в некоторых клубах именно такую позу, когда два сапога смотрят в разные стороны; завукабесектором требуется постановка «ЧЕРНОЙ КОШКИ», а завукабум — подвинуть цымы на крас-Массовую же работу они пропусають между ног.

Последней тупею не предусотренили утесаления в танце.

2-я ПОЗИЦИЯ требует одну ногу отвести от другой (лево).

Не будем прядираться к ногам. Пусть их не отводят. Но почему комсомольские организации не делают отвода именно тогда, когда утесаления утесаления утесале молодежи? Во многих местах комсомол даже не замечает, что он «ис» в той же позировке (налево) сматит за камне, которыми заваляна кукурикувальная работа.

3-я ПОЗИЦИЯ: «является только одна нога... лева остается в спокойном положении». Мы спрашиваем эту спокойную позу. Мы — против самоуспокоенности, но мы не можем выразить протеста в против того, что у лютот завукабум чает ласка нога делает то, что она хочет, не считаясь с протестами и советами комсомола и беспартийной молодежи.

4-я ПОЗИЦИЯ выставляется на том, чтобы шаг передела, а бет, прядит тандрому необходимо соблюдать благородную осанку.

К сожалению, именно эта позировка — любима позиция некоторых комсомольских организаций, которые обычно неслой медальным сапож клут на совещание о массовой работе, а потом, слымя говору, от этой работы бегут.

Любопытно, что все наши организации великолепно изучили в сфере танцев притен присядкой и реверансов... почти безупречные реверансы и провале астей кукурикувальном с беспартийным активом удивительно легко и воздушну делает реверансы в сторону саморитмики.

Что говорить? Прядит танцы мы в массовой работе. За ласку, танцуют!

«Отанча С ФИГУРАМИ» мы говорить не будем, пока некоторые фигуры не будут освоены ласку разоблаченые. Тогда же мы продолжим и настоящее руководство.

А ну, ребята, веселее. Беритесь за руки. Крутитесь в жандровальном состоянии хоровадов. Прядайте и танцуйте, несмотря на незнание вами фигур и волюнтаризме ваших ФИГУРАМИ.

Содержание

В. Веретар — Делать, спомеи — 2. И. Ян — Сачеи — 3. С. Круш и В. Ян — Хлоп — Пестро — 4. М. Орд, С. Бор — Занавес — 5. М. Палава — Наши мотыльки — 10. Ф. Мадон — Деревя — 14. С. Кретьков — Топи пивного доветия — 16. Ф. Ордор — Пыльот; бет борды — 21. В. Ковалева и Ков — ДИНАМОМЫ Мы Т (Финансультата По Делам — и Сметы) — 12 — 13. В. К. Лавин — Передали димомовый опит. Н. Рудыкин — Новая витюнка — 18. М. Кофери — и Ков — Ребон. А. Рудыкин — Пралава реби. В. ВЕСКОМОМУ СЛУДУ ЧИСТАУТЫ. Делор — Поны — Жемчуги — 7. ДИЕ ВЫСТАВКИ — ТИОРИЧЕСКА СМОТРИТЕРАТУРА. В. Писков — Лев Кавасаи — 20. ВЫИТОЛ — КОНСУЛЬТАЦИЯ — 17. МАТЕРИАЛ ДЛЯ «СЛОВ» В КОМСОЛЛЕ. Третья Гриша Гришков — Самоучитель танцев — 23. ФИГУРИ: В. Брисина, И. Сивенков, И. Протодьяко, И. Антушевский, В. Прохорова. ФОТО: Е. Лемберг, О. Третьяков, Соколов.

Сегодня (и всегда) ту-степ Вальсе краковск на дэспанк и др.

Содержание

В. Веретар — Делать, спомеи — 2. И. Ян — Сачеи — 3. С. Круш и В. Ян — Хлоп — Пестро — 4. М. Орд, С. Бор — Занавес — 5. М. Палава — Наши мотыльки — 10. Ф. Мадон — Деревя — 14. С. Кретьков — Топи пивного доветия — 16. Ф. Ордор — Пыльот; бет борды — 21. В. Ковалева и Ков — ДИНАМОМЫ Мы Т (Финансультата По Делам — и Сметы) — 12 — 13. В. К. Лавин — Передали димомовый опит. Н. Рудыкин — Новая витюнка — 18. М. Кофери — и Ков — Ребон. А. Рудыкин — Пралава реби. В. ВЕСКОМОМУ СЛУДУ ЧИСТАУТЫ. Делор — Поны — Жемчуги — 7. ДИЕ ВЫСТАВКИ — ТИОРИЧЕСКА СМОТРИТЕРАТУРА. В. Писков — Лев Кавасаи — 20. ВЫИТОЛ — КОНСУЛЬТАЦИЯ — 17. МАТЕРИАЛ ДЛЯ «СЛОВ» В КОМСОЛЛЕ. Третья Гриша Гришков — Самоучитель танцев — 23. ФИГУРИ: В. Брисина, И. Сивенков, И. Протодьяко, И. Антушевский, В. Прохорова. ФОТО: Е. Лемберг, О. Третьяков, Соколов.

Содержание

В. Веретар — Делать, спомеи — 2. И. Ян — Сачеи — 3. С. Круш и В. Ян — Хлоп — Пестро — 4. М. Орд, С. Бор — Занавес — 5. М. Палава — Наши мотыльки — 10. Ф. Мадон — Деревя — 14. С. Кретьков — Топи пивного доветия — 16. Ф. Ордор — Пыльот; бет борды — 21. В. Ковалева и Ков — ДИНАМОМЫ Мы Т (Финансультата По Делам — и Сметы) — 12 — 13. В. К. Лавин — Передали димомовый опит. Н. Рудыкин — Новая витюнка — 18. М. Кофери — и Ков — Ребон. А. Рудыкин — Пралава реби. В. ВЕСКОМОМУ СЛУДУ ЧИСТАУТЫ. Делор — Поны — Жемчуги — 7. ДИЕ ВЫСТАВКИ — ТИОРИЧЕСКА СМОТРИТЕРАТУРА. В. Писков — Лев Кавасаи — 20. ВЫИТОЛ — КОНСУЛЬТАЦИЯ — 17. МАТЕРИАЛ ДЛЯ «СЛОВ» В КОМСОЛЛЕ. Третья Гриша Гришков — Самоучитель танцев — 23. ФИГУРИ: В. Брисина, И. Сивенков, И. Протодьяко, И. Антушевский, В. Прохорова. ФОТО: Е. Лемберг, О. Третьяков, Соколов.

К О Н Ю Х

Любимду Сарваске он скажет: «Устал! Прошиб тебе здорово пот!»

Но крутым погалим, и сухие места Старик алоплет разведет.

И конюх решила ваболевший вопрос: «Мени не хотит обивать».

Калхоз поручил мне ответственный пост — в порядке коней содержать.

Сказали: «Ты лучший работник в селе, Теворих Колесников Вале,

Чужой кони ходила в плугу веселей, Ты конюхом будешь у нас!».

А ночью его бродила тень Пропла в лошадиной утот; Подслушав конюх в сухой темноте, Кто лопудил клевер жулот.

Отв. редактор В. ВЕДЬМИН

Отв. секретарь Я. ЧЕРНИК

Издательство Издательство ЦК ВЛКСМ «Пролет»

цена 50 коп.

В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ — СДАТЬ ГОСУДАРСТВУ!

Колхозники везут хлеб на элеватор